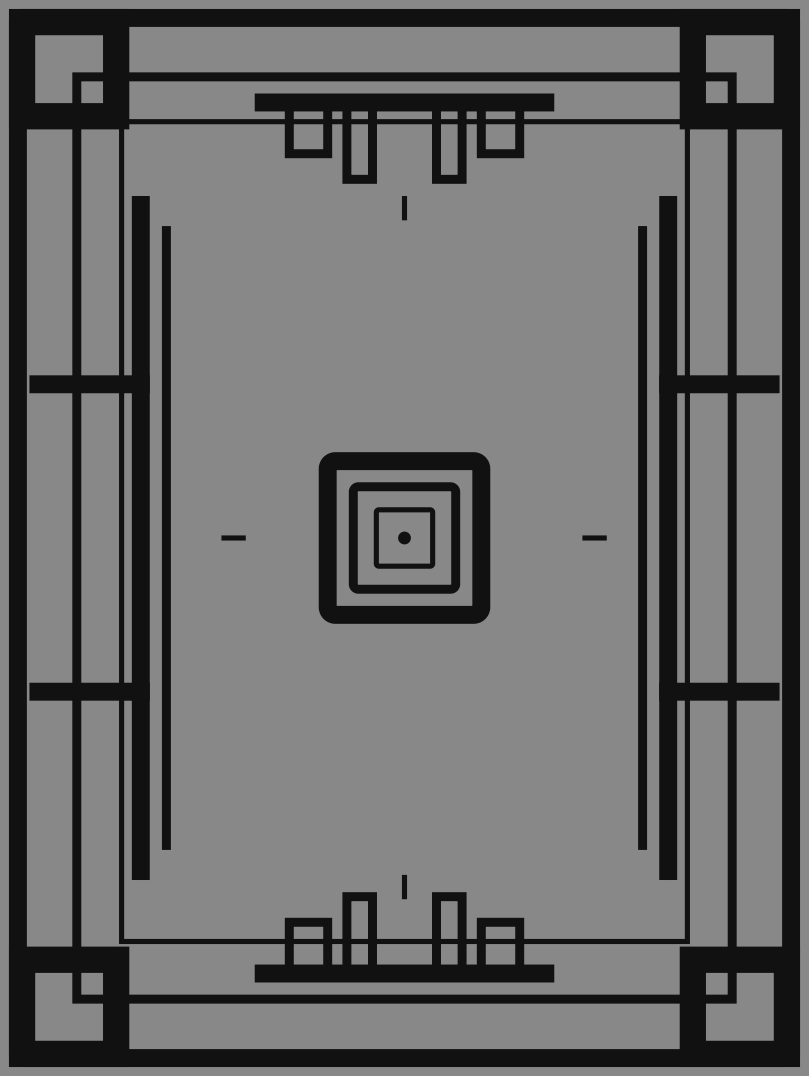


Возвращение в дивный новый мир

Олдос Хаксли

Аннотация
Возвращение в дивный новый мир
Предисловие
I. Перенаселенность
II. Количество, качество, мораль
III. Заорганизованность
IV. Пропаганда в демократическом обществе
V. Пропаганда при диктатуре
VI. Искусство продавать
VII. Промывка мозгов
VIII. Химическое внушение
IX. Подсознательное внушение
X. Гипнопедия
XI. Обучение свободе
XII. Что можно сделать?

Аннотация

Уникальная книга Олдоса Хаксли «Возвращение в дивный новый мир», опубликованная в 1958 году. В этой работе великий английский писатель и философ, в присущей ему смелой и полемичной манере, проводит параллели между западной цивилизацией буржуазного «золотого века» 1950-х и антиутопическим тоталитарным «потребительским раем», описанным им в самом известном художественном произведении — романе «О дивный новый мир». Возвращаясь к роману «О дивный новый мир», Хаксли снова и снова сравнивает вымышленный много лет назад мир далекого будущего с миром вполне реальным, окружавшим его на момент написания «Возвращения», — и снова и снова находит приметы пугающего, опасного и все более очевидною сходства…

Возвращение в дивный новый мир

Предисловие

Меткое слово может оказаться воплощением лжи. Каким бы запоминающимся ни было краткое высказывание, оно не способно точно отразить все составляющие сложной ситуации. В таких случаях краткости можно достигнуть лишь путем опущений и упрощений. А они дают нам понимание, но зачастую неправильное. Мы можем постичь только те понятия, которые для нас сформулировали, но не всю обширную, сложную действительность, из какой произвольно выбрали эти понятия.

Жизнь коротка, а объемы информации безграничны — успеть все невозможно. На практике обычно выбор таков: либо очень краткое объяснение, либо никакого. Сокращение — неизбежное зло, и задача того, кто взялся кратко объяснить некое явление, — на самом высоком уровне сделать дело, дурное по своей натуре, но без которого было бы еще хуже. Нужно научиться упрощать, но не доводить до примитивности; сосредоточиваться на сути ситуации, но при этом оставлять в поле зрения часть побочных факторов, определяющих действительность. Соблюдая

данные условия, человек не отразит истину в полном объеме, поскольку это невозможно совместить с краткостью, однако все же выразит нечто большее, чем те опасные полуправды и четверть-правды, вокруг которых существует все современное мышление.

Тема свободы и ее врагов необъятна, и написанного мной недостаточно, чтобы полноценно исследовать эту проблему, но по крайней мере я осветил многие из се аспектов. Вероятно, излишне упростил каждый, но эти последовательные упрощения складываются в картину, которая, надеюсь, даст представление о сложности и обширности темы.

Я исключил из общей картины механические военные угрозы свободе — оружие и военную технику, усилившие власть мировых правителей над подданными, и все более разорительную подготовку стран ко все более бессмысленным и самоубийственным войнам. Написанное далее следует читать, постоянно помня о Венгерском восстании и его подавлении, о водородной бомбе, о цене, которую все страны платят за то, что они называют «обороной», и о бесконечных рядах юношей в форме — белой, черной, коричневой, желтой, — послушно марширующих к своей

общей могиле.

I. Перенаселенность

В 1931 году, работая над романом «О дивный новый мир», я был уверен, что у нас в запасе еще много времени. Полностью организованное общество, научно сформированная система каст, систематическое обусловливание, лишающее людей свободы воли, рабство, которое воспринимают как должное благодаря регулярному употреблению химических стимуляторов счастья, простые истины, вдалбливаемые ночами в процессе курсов обучения во сне, — все это пришло бы рано или поздно, но ни я, ни даже мои внуки не застали бы этих времен. Не могу припомнить, когда именно происходили события, описанные в романе, по-моему, между шестым и седьмым веком «эры Форда». Надо признать, во второй четверти двадцатого века мы жили в отвратительнейшем мире, но кошмар, пережитый нами в годы Депрессии, принципиально отличается от кошмара будущего, описанного в книге «О дивный новый мир». Наш проистекает от нехватки порядка, их кошмар, в седьмом веке «эры Форда», — от его переизбытка. По моим представлениям, переход от одной крайности к

другой должен был занять долгий период времени, и в этот промежуток наиболее удачливая греть человечества получила бы все лучшее от обоих миров — от беспорядочного мира либерализма и от излишне упорядоченного Дивного Нового Мира[1], где безупречная эффективность вытеснит свободу и личную инициативу.

Сейчас, двадцать семь лет спустя, в третьей четверти двадцатого века, и задолго до конца первого века «эры Форда», я настроен менее оптимистично, чем когда писал «О дивный новый мир». Предсказания 1931 года начали сбываться намного раньше, чем я предполагал. Блаженный промежуток между недостатком порядка и его кошмарным переизбытком не возник, нет даже никаких признаков появления этого промежутка. Действительно, в западном мире люди все еще наслаждаются значительной свободой. Но даже в этих странах с традиционно демократичной моделью управления личная свобода и стремление к ней, похоже, идут на убыль. В остальном мире свободы личности уже не осталось — или,

---

[1] notes: 1

В названии произведения используется вариант «Дивный новый мир»; когда же так называют вымышленное государство, описанное в романе, то, в соответствии с правилами русского языка, с прописной буквы пишутся все три слова — Дивный Новый Мир. — *Здесь и далее примеч. пер.*

судя по всему, не останется в ближайшем будущем. Кошмар тотальной заорганизованности, который я поместил в седьмой век «эры Форда», выскользнул из отдаленного и потому безопасного будущего, и теперь он не за горами.

В романе «1984» Джордж Оруэлл поместил в будущее гротескную проекцию настоящего — времени сталинизма и недавнего прошлого, отмеченного расцветом фашизма. «О дивный новый мир» был написан, когда Гитлер в Германии еще не был всесилен, а российский тиран не развернулся во всю мощь. В отличие от 1948-го в 1931 году систематический терроризм не являлся неотъемлемой чертой современности и будущая диктатура в моем вымышленном мире казалось мягче той, которую так блестяще описал Оруэлл. В условиях 1948 года «1984» был ужасающе правдоподобен. Но в конце концов, тираны смертны, а обстоятельства переменчивы. Недавние перемены в СССР и результаты, достигнутые в последние несколько лет в области науки и технологий, отчасти лишили книгу Оруэлла ее безжалостного правдоподобия. Конечно, случись ядерная война — и все предсказания утратят значение. Но если предположить, что великие державы все же смогут сдержаться и не уничтожат нас, то по

всем нынешним признакам можно определить, что ближе к истине оказался «О дивный новый мир», а не «1984».

Результаты недавних исследований поведения животных и человека доказывают, что для более эффективного контроля нужно не наказывать за нежелательное поведение, а награждать за желательное, и, значит, что в итоге террор — менее эффективное средство управления, чем ненасильственное преобразование окружающего мира, а также мыслей и чувств людей. Наказание может временно прекратить нежелательное поведение, однако никак не повлияет на дальнейшую склонность жертвы поступать так же. Более того, психофизические побочные эффекты наказания могут быть столь же нежелательными, как и само поведение, для подавления которого наказание применялось. Деятельность психотерапевтов во многом связана именно с негативными, антисоциальными последствиями наказаний.

Общество, описанное в «1984», контролируется полностью при помощи наказания и страха наказания. А в мире, который я создал в своей истории, наказывают редко и относительно мягко. Правительство осуществляет практически полный контроль, применяя систематическое

подкрепление желательного поведения, различные, преимущественно ненасильственные, способы манипулирования, как физические, так и психологические, и генетическую стандартизацию. Очевидно, когда-нибудь дети действительно станут расти в бутылях и рождаемость будет регулироваться на государственном уровне, но человеку как виду еще долго будет свойственно живорождение, а размножение будет нерегулируемым процессом. Вероятно, от генетической стандартизации придется отказаться из практических соображений. Общество и дальше станет контролироваться путем воздействия на индивидов уже после рождения. Помимо наказаний, характерных для прошлых времен, все чаще будут применяться более эффективные методы, такие как поощрение и научное манипулирование.

Сталинская диктатура в СССР, подобная той, что описана в «1984», устарела и постепенно уступает место более современной форме тирании. На верхних уровнях советской иерархии на смену старым методам контроля через наказание нежелательного поведения приходит поощрение желаемого поведения. Инженеры и ученые, преподаватели и чиновники получают

высокую плату за хорошую работу и облагаются настолько скромными налогами, что это служит для них постоянным стимулом работать лучше и получать больше вознаграждения. В определенных сферах они обладают свободой мысли и действий. Наказание ожидает их лишь в том случае, если они, вопреки ограничениям, начнут вмешиваться в идеологию и политику. Учителя, ученые и инженеры добились столь выдающихся успехов именно потому, что им предоставили определенную свободу в профессиональной области. Те же, кто составляет основание советской иерархической пирамиды, не имеют привилегий, которыми пользуется более удачливое или особо одаренное меньшинство. Они получают мизерную зарплату и из-за высоких цен платят непропорционально крупную долю налогов. Область свободы действий у них весьма ограниченна, и для контроля над ними правительство чаще использует наказание и угрозы наказания, а не ненасильственные манипуляции и поощрения. Советская система частично использует методы воздействия, описанные в «1984», а порой претворяет в жизнь методы, применявшиеся к высшим кастам в книге «О дивный новый мир».

Похоже, что под воздействием неподвласт-

ных нам факторов все мы движемся к кошмару Дивного Нового Мира, и представители коммерческих и политических организаций сознательно способствуют этому, используя новые техники манипулирования мыслями и чувствами масс в интересах определенного меньшинства. Эти техники манипулирования мы обсудим в последующих главах. Сейчас же давайте сосредоточимся на факторах, угрожающих демократии и не позволяющих личной свободе прижиться в нашем мире. Что это за факторы? И почему кошмар, который я поместил в седьмой век «эры Форда», приблизился к нам так стремительно? Ответ на эти вопросы берет начало в области, в которой зародились все, даже самые сложно организованные, сообщества, — в биологии.

В год рождения Христа население Земли составляло двести пятьдесят миллионов человек — меньше, чем половину населения современного Китая. Шестью веками позднее, когда первые поселенцы сошли на берег у Плимутской скалы, население возросло до пятисот миллионов. Когда была подписана Декларация независимости, население планеты достигло отметки в семьсот миллионов. В 1931 году, когда я писал роман, нас было уже почти два миллиарда. Сегодня,

двадцать семь лет спустя, население планеты составляет два миллиарда восемьсот миллионов. Что же будет завтра? Пенициллин, ДДТ, чистая вода — это недорогие товары, и их стоимость ничтожно мала по сравнению с тем, какую роль они играют в современном здравоохранении. Даже беднейшие правительства могут контролировать уровень смертности населения. Контроль над уровнем рождаемости — дело иное. Для снижения уровня смертности достаточно нескольких специалистов на жалованье у великодушного правительства. Для установления контроля над рождаемостью все население должно работать сообща. Контроль над рождаемостью должен осуществляться бесчисленными индивидами, и для этого потребуется больше здравого смысла и силы воли, чем есть у миллионов безграмотных людей по всему миру, а также (в тех местах, где пользуются химическими и механическими средствами контрацепции) потребуются значительные денежные затраты, чем большинство из этих людей могут себе позволить. Ни одна религия не поддерживает неограниченную смертность, а вот религиозные и социальные установки, одобряющие неконтролируемое воспроизводство, широко распространены. Это

приводит к тому, что контроль над смертностью осуществляется очень легко, а контроль над рождаемостью сопряжен с огромными сложностями. Поэтому в последние несколько лет мы наблюдаем поразительно стремительное падение уровня смертности. Однако уровни рождаемости либо сохраняются на прежнем высоком уровне, либо если и снижаются, то весьма незначительно и медленно. В результате скорость прироста населения оказывается самой высокой за всю историю нашего вида.

Более того, возрастают и сами годовые показатели прироста населения. Они увеличиваются регулярно, в соответствии с правилами сложного процента, и возрастают спонтанно, когда технологически отсталое общество начинает претворять в жизнь принципы здравоохранения. В настоящее время уровень годового прироста населения приближается к сорока трем миллионам. Это означает, что за год количество новорожденных жителей планеты составляет число, равное нынешнему населению Соединенных Штатов, а за восемь лет — число, равное населению Индии. В период от рождения Христа и до смерти королевы Елизаветы I при темпах прироста населения, характерных для того времени, на то,

чтобы население планеты выросло вдвое, ушло шестнадцать веков. При нынешних темпах оно удвоится менее чем за полстолетия. И произойдет это на планете, где наиболее привлекательные и благоприятные регионы уже плотно заселены, плохие фермеры истощили почву постоянными попытками получить более богатый урожай, а доступные запасы природных ископаемых растранжириваются с безрассудной расточительностью пьяного матроса, пускающего на ветер накопленный заработок.

В придуманном мной Дивном Новом Мире проблема соотношения количества жителей планеты с запасами природных ресурсов была эффективно решена. Путем подсчетов выводилось оптимальное количество населения, и на этой отметке — около двух миллиардов, если мне не изменяет память, — население поддерживалось поколение за поколением. В реальном современном мире данная проблема пока не решена. Напротив, с каждым годом она становится все серьезнее и значительнее. Политические, экономические, культурные и психологические драмы наших дней разыгрываются на мрачном биологическом фоне. В двадцатом веке, пока к уже существующим миллиардам прибавляются

новые — к тому времени, когда моей внучке будет пятьдесят, нас будет уже пять с половиной миллиардов, — биология станет все более настойчиво выдвигаться на сцену, а затем и на авансцену истории человечества. Стремительный прирост населения и его влияние на запасы природных ресурсов, социальную стабильность и благополучие каждого отдельного индивида является центральной проблемой человечества и останется такой еще как минимум столетие, а вероятно, и несколько столетий. Считается, что новая эра началась 4 октября 1957 года. В действительности, при нынешних обстоятельствах рассуждать о том, как изменился мир после запуска спутника, неуместно и даже бессмысленно. Пока остается проблема разрастающегося человечества, грядет не космическая эра, а эра перенаселенности. Пародируя старинную песенку, можно спросить:

Как богат, как полон космос,
Насладиться можно всласть!
Только станет ли нам космос
Суп варить да пряжу прясть?

Очевидно, что ответ будет отрицательным. Возможно, для страны, осуществляющей заселение Луны, оно будет выгодно с военной точки зрения.

Но это никоим образом не сделает следующие пятьдесят лет, за которые население планеты увеличится вдвое, более удобным для стремительно размножающегося человечества, страдающего от нехватки продовольствия. И если когда-нибудь в будущем эмиграция на Марс станет реальностью, даже если найдутся люди, чье положение будет столь бедственным, что они согласятся жить в условиях, сравнимых с жизнью на горе вдвое выше Эвереста, изменит ли это что-нибудь? За четыре столетия множество людей переплыли из Старого Света в Новый. Но ни их отъезд, ни обратный приток сырья и продуктов питания не решили проблем Старого Света. Так и отправка нескольких лишних людей на Марс (а на транспортировку и обустройство каждого человека потребуется несколько миллионов долларов) никак не решит проблем, связанных со стремительно возрастающим населением планеты. А пока не решен вопрос перенаселенности, нельзя уладить никакие другие проблемы нашей планеты. Более того, в условиях перенаселенности невозможно будет не только создать демократический строй, предполагающий свободу личности и соблюдение социальных норм, — подобный строй вряд ли можно будет даже вообразить. Диктатуры

могут появляться по-разному. К Дивному Новому Миру ведет много путей, но путь, который мы избрали сегодня — огромное население и его стремительный прирост, — самый широкий и прямой. Давайте проанализируем, как слишком большое население и его быстрый прирост связаны с появлением авторитарных взглядов и созданием тоталитарных систем управления.

По мере того как из-за огромного и все возрастающего населения планеты ситуация с природными ресурсами становится напряженной, все более шатким оказывается экономическое положение сообщества, подверженного данному испытанию. Особенно это заметно в менее развитых регионах, где снижение уровня смертности благодаря появлению ДДТ, пенициллина и водоочистных сооружений не сопровождалось соответствующим снижением уровня рождаемости. Численность населения некоторых стран Азии и большей части Центральной и Южной Америки возрастает с такой скоростью, что удвоится за двадцать лет. Если бы темпы производства продуктов питания и промышленных товаров, строительства домов и школ и подготовки новых учителей увеличивались быстрее, чем темпы прироста населения, было

бы возможно улучшить горькую долю жителей слаборазвитых и перенаселенных стран. Но к сожалению, в этих странах не хватает не только промышленного оборудования и заводов для его производства, там нет капиталов, необходимых для строительства подобных заводов. Капитал — это средства, оставшиеся после того, как были удовлетворены основные потребности населения. Но они в слаборазвитых странах никогда не бывают удовлетворены полностью. К концу каждого года финансовых средств почти не остается, и, таким образом, свободные средства, с помощью которых можно было бы построить промышленные и сельскохозяйственные комплексы для удовлетворения нужд населения, практически отсутствуют. Более того, в большинстве этих стран наблюдается серьезная нехватка квалифицированных работников, и поэтому некому управлять промышленными и сельскохозяйственными комплексами. Не хватает образовательных учреждений, экономических и финансовых ресурсов для повышения уровня уже существующих учебных заведений в соответствии с требованиями времени. А численность населения некоторых из этих стран ежегодно возрастает на целых три процента.

Об их сложном положении в книге «Следующие сто лет», изданной в 1957 году, рассуждают профессора Калифорнийского технологического университета Харрисон Браун, Джеймс Боннер и Джон Уир. Как же человечество справляется со стремительным увеличением численности населения? Не слишком успешно. «Все обстоятельства ясно указывают на то, что в большинстве слаборазвитых стран положение за последние сто лет среднестатистического жителя существенно ухудшилось. Питание населения стало более скудным. На каждого человека приходится меньше доступных товаров. И практически все попытки исправить ситуацию были сведены на «нет» непрерывным давлением постоянного прироста населения».

Каждый раз, когда экономическое положение страны ухудшается, органы центрального государственного управления вынуждены брать на себя дополнительную ответственность за обеспечение всеобщего благосостояния. Они должны разработать детальные планы по выходу из кризисной ситуации, наложить еще более строгие ограничения па деятельность своих субъектов, а если ухудшение экономической ситуации приведет к политическим волнениям или откры-

тому мятежу, правительство обязано вмешаться, чтобы обеспечить сохранение общественного порядка и собственной власти. Таким образом, все больше влияния оказывается сосредоточено в руках представителей исполнительной власти и их бюрократического руководства. Но природа этой власти такова, что даже те, кто не стремился к ней сознательно, а вынужденно принял ее на себя, зачастую начинают желать большего. «Не введи нас во искушение», — молимся мы, и неспроста. Когда человека искушают, он, как правило, поддается. Демократическая форма правления — средство, не позволяющее чиновникам уступить особенно опасному соблазну, который непременно появляется, когда слишком большая власть оказывается сосредоточена в руках маленькой группы людей. Такой политический строй достаточно хорошо работает в странах вроде Великобритании и США, где к конституционным процедурам традиционно относятся с уважением. В странах же, где республика или ограниченная монархия не устоялась как форма правления, никакая конституция не помешает политикам уступить искушению властью. И в любой стране, где численность населения начала давить на запас природных ресурсов, подобных

соблазнов не избежать. Перенаселенность влечет за собой экономическую нестабильность и социальные волнения. Они приводят к тому, что централизованное правительство получает все больше контроля и власти. Если в стране нет традиции конституционного управления, власть, вероятно, перерастет в диктатуру. Даже если бы коммунизм не зародился в свое время, события, очевидно, все равно приняли бы подобный оборот. Но коммунизм появился. Учитывая данный факт, вероятность того, что перенаселенность приведет к беспорядкам, а те, в свою очередь, к диктатуре, становится почти стопроцентной. Можно с уверенностью утверждать, что через двадцать лет перенаселенные слаборазвитые страны окажутся во власти того или иного тоталитарного режима — скорее всего под управлением коммунистической партии.

Какое влияние подобные события окажут на страны Европы, в которых, несмотря на перенаселенность, высоко развита промышленность и сохранились демократические устои? Если возникшие тоталитарные правительства отнесутся к этим странам враждебно и в результате нормальный приток сырья из слаборазвитых стран будет намеренно приостановлен, западные

страны окажутся в неблагоприятных условиях. Произойдет крах промышленной системы, и высокоразвитые технологии, раньше позволявшие удовлетворять нужды людей, не сумеют защитить страну от тягот, связанных с проживанием множества людей на ограниченной территории. Случись это, и правительства, наделенные благодаря неблагоприятным обстоятельствам слишком большой властью, могут начать использовать эту власть в виде тоталитарной диктатуры.

В настоящее время США не перенаселены. Однако если численность населения продолжит увеличиваться с нынешней скоростью, которая выше, чем в Индии, хотя, к счастью, значительно ниже, чем в Мексике и Гватемале, то к началу двадцать первого века соотношение численности населения и запасов природных ресурсов станет серьезной проблемой. Пока перенаселенность не угрожает личной свободе американцев напрямую. Однако она остается косвенной угрозой и отдаленной опасностью. Если перенаселенность приведет к установлению тоталитарных режимов в слаборазвитых странах и новые тоталитарные правительства вступят в союз с СССР, военное положение Соединенных Шта-

тов станет менее безопасным. В ответ Америке придется готовиться к обороне и контратакам. Но, как известно, свобода не может процветать в стране, постоянно находящейся на военном положении или в шаге от него. Кризис дает право правительству контролировать все и всех. А перманентный кризис — то, к чему мы вынуждены готовиться в мире, где перенаселенность создает ситуацию, в которой установление диктатур под покровительством коммунистического режима практически неизбежно.

II. Количество, качество, мораль

В придуманном мной Дивном Новом Мире систематически применялись методы евгеники и дисгеники. В одних бутылях яйцеклетки, обладающие более ценными биологическими качествами, оплодотворялись спермой высшего качества, и после наилучшего пренатального ухода на свет появлялись дети класса бета, альфа или даже альфа-плюс. В других многочисленных бутылях менее качественные яйцеклетки, оплодотворенные менее качественной спермой, подвергались процессу Бокановского, в результате которого из одного яйца получалось девяносто шесть идентичных близнецов, и до рождения регулярно получали дозы алкоголя и иных белковых ядов. Получавшиеся в результате существа имели столь низкий уровень развития, что едва могли считаться людьми, однако были способны к неквалифицированному труду. А предоставляя им возможность снимать напряжение при помощи частых и свободных контактов с противоположным полом, обеспечивая постоянный доступ к бесплатным развлечениям и подкрепляя хорошее поведение ежедневными дозами сомы,

правительство могло рассчитывать на то, что они не доставят неудобств вышестоящим кастам.

Во второй половине двадцатого века мы размножаемся совершенно бессистемно. Но из-за случайного характера нашего размножения и отсутствия какого-либо реагирования мы не просто перенаселяем нашу планету, а делаем все возможное, чтобы это слишком большое население биологически уступало по качеству предыдущим поколениям. В старые времена дети с серьезными и даже незначительными наследственными дефектами выживали редко. Сегодня же, благодаря улучшению санитарных условий, современной медицине и повышению общественной сознательности, большинство детей с врожденными отклонениями доживают до зрелости и продолжают свой род. В современных условиях любое достижение в области медицины скорее всего повлечет за собой повышение уровня выживаемости индивидов с тем или иным наследственным недугом. Несмотря на новые чудо-лекарства и улучшение уровня лечения, а в определенном смысле как раз именно из-за них, физическое здоровье населения планеты не улучшится, а, вероятно, даже ухудшится. А вместе со снижением среднего уровня здоровья

вполне можно ожидать и снижения среднего уровня интеллекта. И действительно, некоторые специалисты утверждают, что это снижение уже началось и продолжается по сей день. «В очень мягких и нерегулируемых условиях, — пишет доктор Шелдон, — лучшие особи размножаются меньше, чем уступающие им во всех отношениях». В академических кругах стало модным уверять студентов, что для беспокойства по поводу различий в уровнях рождаемости в разных странах нет оснований. Мол, эти проблемы имеют природу экономическую, образовательную, религиозную, культурную или какую-либо подобную небиологическую подоплеку. Это неоправданный оптимизм. Различия в уровнях рождаемости — базовое биологическое явление. Доктор Шелдон добавляет, что «неизвестно, насколько снизился средний уровень интеллекта в США с 1916 года, когда Терман предложил считать отметку в 100 стандартным уровнем IQ». Могут ли демократические институты самопроизвольно возникнуть в слаборазвитой перенаселенной стране, где четыре пятых населения потребляют менее двух тысяч калорий в день и только одна пятая населения получает полноценное питание? А если эти социальные институты привнесет кто-либо

извне или они будут созданы в приказном порядке, сумеют ли они выжить?

А теперь давайте рассмотрим богатое, промышленно развитое, демократическое общество, где из-за дисгеники, которая применяется в случайном порядке, но эффективно, интеллект и физическое состояние населения находятся в упадке. Как долго оно сможет сохранять личную свободу и традицию демократического управления? Лет через пятьдесят или сто наши дети узнают ответ на этот вопрос.

А мы тем временем столкнулись с неприятной нравственной проблемой. Мы знаем, что стремление к благой цели не оправдывает использование дурных средств. Но как быть в тех случаях, когда благими средствами достигают результатов, которые оказываются дурными?

Например, мы отправляемся на тропический остров, где при помощи ДДТ искореняем малярию и по прошествии двух или трех лет спасаем сотни тысяч жизней. Очевидно, что это хорошо. Но ресурсов, доступных па этом острове, недостаточно, чтобы предоставить одежду, жилье, образование или даже пищу сотням тысяч спасенных таким образом людей, а также миллионам тех, кого они произведут на свет. Мы исключили возможность

быстрой смерти от малярии, но теперь эти люди обречены на жизнь, сопряженную с лишениями из-за недостатка питания и перенаселенности, и медленная смерть от голода угрожает еще большему количеству людей.

А как быть с индивидами с врожденными отклонениями? Благодаря современной медицине и социальным службам они могут размножаться, передавая свои дефекты по наследству. Очевидно, что помогать страждущим хорошо. Но столь же очевидно и то, что оптом передавать нашим потомкам результаты неблагоприятных мутаций, постепенно все сильнее загрязняя генетический запас, из которого наши потомки станут вслепую брать определенные качества, плохо. Перед нами стоит серьезная этическая дилемма, и для нахождения золотой середины нам понадобятся и интеллект, и воля.

III. Заорганизованность

Как я уже отмечал, самый короткий и простой путь к кошмару Дивного Нового Мира проходит через перенаселенность и значительный прирост населения. Двести восемьдесят миллионов сегодня, пятьдесят пять миллионов к началу нового века — в итоге большей части человечества придется выбирать между анархией и тоталитаризмом. Но не только возрастающее давление численности населения на имеющиеся ресурсы толкает нас к тоталитаризму. У этого слепого биологического врага свободы есть необычайно надежные союзники, порожденные теми технологическими достижениями, которыми мы гордимся. Причем гордимся по праву, поскольку эти достижения — плоды гениальных решений и тяжелого упорного труда, логики, воображения и самоотречения. Иными словами, моральных и интеллектуальных качеств, которые могут вызвать только восхищение. Но проблема в том, что в этом мире ничего нельзя получить даром. За все эти потрясающие, заслуживающие уважения достижения приходится платить. Подобно тому как мы до сих пор рас-

плачиваемся за купленную в кредит в прошлом году стиральную машину, мы платим и за эти достижения — и каждый последующий взнос выше предыдущего. Многие историки, социологи и психологи уже давно с глубочайшей озабоченностью пишут о цене, которую платят и будут платить за прогресс жители стран Запада. Они указывают, например, что демократия едва ли станет процветать в обществе, где политическая власть и экономическое влияние все активнее централизуются и концентрируются в одних руках. Но именно к централизации власти всегда приводил и приводит технический прогресс. Чем эффективнее становится оборудование для массового производства, тем оно сложнее и дороже — и тем менее доступно для предпринимателей с ограниченными средствами. Более того, массовое производство не может существовать без массового распределения, но с ним связаны проблемы, успешно решить которые могут лишь крупнейшие производители. В мире массового производства и массового распределения маленький человек со своим скудным оборотным капиталом изначально оказывается в невыгодном положении. В конкуренции с большим человеком он теряет деньги, а в итоге и самую

возможность существовать в качестве независимого производителя. Большой человек пожирает его. По мере исчезновения маленького человека все большее экономическое влияние оказывается в руках меньшего числа людей. В условиях диктатуры большой бизнес, существование которого обусловлено развитием технологий и последующим крушением малого бизнеса, находится под контролем государства, то есть небольшой группы партийных лидеров и выполняющих их приказы солдат, полицейских и чиновников. В условиях капиталистической демократии, как, например, в Соединенных Штатах, большой бизнес контролируется, по определению профессора Ч. Райта Миллса, властвующей элитой. Для нескольких миллионов жителей, работающих на ее фабриках, в офисах, магазинах, элита является непосредственным работодателем. Еще больше людей она контролирует, ссужая их деньгами для покупки продукции, которую сама же и производит, и, будучи владельцем средств массовой коммуникации, оказывая воздействие на мысли, чувства и действия практически каждого жителя этой страны. Пародируя слова Уинстона Черчилля, можно сказать, что никогда еще столь немногие не манипулировали столь многими.

Действительно, мы очень далеки от проповедуемого Джефферсоном идеала подлинно свободного общества, построенного на иерархии самоуправляемых единиц — градации властей, в которой элементарные районные республики подчиняются республикам округа, те, в свою очередь, республикам штата, а они — республике союза.

Таким образом, мы видим, что современная технология приводит к концентрации экономической и политической власти в руках небольшой группы людей и к созданию общества, контролируемого (беспощадно — при тоталитарном режиме, мягко и ненавязчиво — при демократическом) большим бизнесом и правительством. Но общество состоит из индивидов и хорошо лишь до тех пор, пока помогает им реализовывать свой потенциал и жить счастливо и продуктивно. Как повлияли на индивидов технологические достижения последних лет? Вот как отвечает на данный вопрос Эрих Фромм:

«Наше современное западное общество, несмотря на материальный, интеллектуальный и политический прогресс, становится все менее благоприятным для душевного здоровья и имеет тенденцию подрывать внутреннюю защиту индивида, лишая его счастья, разума и способности

любить. Это общество стремится превратить индивида в робота, который расплачивается за свою человечность все возрастающим числом психических заболеваний и отчаянием, скрывающимся за неистовым стремлением к труду и так называемому удовольствию».

Вышеупомянутые психические заболевания могут иметь невротические симптомы. Они очевидны и вызывают сильнейшую тревогу. Но, по словам Фромма, «не следует сводить психогигиену к предотвращению симптомов. Симптомы как таковые не враги, а друзья нам; там, где есть симптомы, есть конфликт, а конфликт всегда свидетельствует о том, что у человека пока не иссякли жизненные силы и стремление бороться за счастье и за свое место в этом мире». По-настоящему безнадежных жертв психического заболевания можно найти среди тех, кто производит впечатление самых здоровых. «Многие из них нормальны потому, что приспособились к нашему порядку существования, потому что все человеческое в них было задавлено так рано, что они в отличие от невротиков даже не борются, не страдают и у них не наблюдается никаких симптомов». Нельзя сказать, что они нормальны в абсолютном смысле этого слова, — нет, они нор-

мальны лишь в контексте глубоко аномального общества. Их безупречная приспособленность к аномальному обществу показывает, насколько серьезно их душевное расстройство. Эти миллионы аномально нормальных людей, тихо-мирно живущих в обществе, в котором, будь они полноценными человеческими существами, им не нашлось бы места, все еще держатся за «иллюзию индивидуальности», но в действительности лишены ее. Их конформизм переходит в единообразие. А единообразие и свобода несовместимы. Так же как несовместимы единообразие и психическое здоровье. Человек не создан быть роботом, но если становится таковым, подрывается основа душевного здоровья.

В ходе эволюции природа приложила усилия к тому, чтобы все особи отличались друг от друга. Мы воспроизводим наш вид, сочетая отцовские и материнские гены. Эти наследуемые переменные дают практически бесконечное разнообразие сочетаний. Физически и психически каждый из нас уникален. Любая культура, которая в интересах эффективности или во имя каких-либо политических или религиозных предпосылок стремится стандартизировать человечество, совершает вопиющее преступление против биологической

природы человека.

Науку можно назвать сведением множественности к однообразию. Она стремится объяснить бесконечно разнообразные явления природы, абстрагируясь от уникальности каждого конкретного случая, концентрируясь на общих чертах и в итоге выводя некий закон, в рамках которого эти обобщения имеют смысл и могут эффективно использоваться. Рассмотрим примеры. Яблоки падают на землю, а Луна движется по небу. Люди с незапамятных времен наблюдали за этими явлениями. Вместе с Гертрудой Штайн они убедились, что яблоко — это яблоко, а Луна — это Луна. Но лишь Исаак Ньютон понял, что́ общего у этих абсолютно несхожих явлений, и сформулировал теорию притяжения таким образом, что определенные закономерности, связанные с яблоками, небесными телами, да и со всем остальным во Вселенной, можно объяснить и рассмотреть в рамках единой системы воззрений. Таким же образом человек искусства, сочетая безграничное разнообразие и уникальность явлений внешнего мира и свое воображение, наделяет их значением в рамках упорядоченной системы форм, словесных или музыкальных структур. Желание упорядочить беспорядочное, вывести гармонию

из диссонанса и свести разнообразие к единству — своего рода интеллектуальный инстинкт, первичная, фундаментальная потребность разума. В науке, искусстве и философии это стремление — назовем его волей к порядку — чаще всего приносит пользу. Да, воля к порядку породила множество незрелых теорий, основанных на недостаточных доказательствах, абсурдные метафизические и теологические системы; из-за нее идеи педантично принимались за истинные явления, а символы и абстракции — за данные, полученные напрямую через органы чувств. Но эти несомненно прискорбные ошибки не несут серьезной непосредственной угрозы, хотя иногда скверная философская система может нанести косвенный вред, предоставляя оправдания для бессмысленных и негуманных действий. По-настоящему опасной воля к порядку становится в области политики и экономики.

Здесь то, что в теории явилось сведением беспорядочного многообразия к понятному единству, на практике становится низведением человеческой многогранности к недочеловеческому единообразию, свободы — к рабству. В политике эквивалентом полноценной научной теории или философской системы служит тоталитарная

диктатура. В экономике безупречное по композиции произведение искусства — это бесперебойно работающая фабрика, где работники и станки идеально пригнаны друг к другу. Красота упорядоченности используется как оправдание деспотизма.

Организованность необходима, поскольку свобода возникает и имеет значение лишь в самоуправляемом обществе, основанном на сотрудничестве индивидов. Но, будучи необходимой, организация может стать и губительной. Избыток организации превращает людей в роботов, подавляя творческое начало и лишая шансов на свободу. Как правило, безопасный курс лежит посередине — между полным попустительством, с одной стороны, и тотальным контролем — с другой.

Раньше технические достижения сопровождались активным развитием организации. Сложности оборудования должна была соответствовать сложность социального устройства — обществу следовало работать так же исправно и эффективно, как и новые средства производства. Чтобы вписаться в эту систему, личности должны были полностью лишиться индивидуальности, отринуть присущее им от рождения

многообразие и подстроиться под общий шаблон, то есть приложить все усилия к тому, чтобы стать роботами.

Заорганизованность обесчеловечивает, усугубляя тем самым обесчеловечивающие последствия перенаселенности. Развитие промышленности заставляет значительную часть постоянно увеличивающегося населения стягиваться в крупные города. Но жизнь в крупных городах наносит ущерб душевному здоровью. Говорят, что наибольшее количество случаев шизофрении наблюдается в переполненных городских трущобах. Она не способствует возникновению малых самоуправляемых групп, где свобода сочетается с ответственностью — первым условием существования истинной демократии. Городская жизнь анонимна и, скажем так, абстрактна. Люди вступают в отношения, но не как полноценные личности, а как воплощения экономических функций, или во внерабочее время, как безответственные искатели развлечений. Оказавшись в плену подобного образа жизни, они начинают чувствовать себя одинокими и ничтожными. Из их существования уходит какой-либо смысл и значение.

С точки зрения биологии человек — умеренно

стадное животное, по степени общественности он скорее ближе к волкам и слонам, чем к муравьям и пчелам. В своей изначальной форме человеческие общества ничем не напоминали муравейник или улей —люди собирались в простые стада. Цивилизация, помимо всего прочего, это процесс превращения примитивных стад в грубое механическое подобие сообществ, образуемых социальными насекомыми. В настоящее время давление перенаселенности и развитие технологий ускоряют его. Термитник стал казаться достижимым идеалом, некоторые к нему стремятся. Излишне напоминать, что идеал недостижим. Пропасть отделяет социальных насекомых от не слишком общественных млекопитающих, обладающих более развитым мозгом, и как бы ни старались млекопитающие походить на этих насекомых, она все равно остается. Несмотря на все усилия, человек не способен создать социальный организм — он может сформировать только социальную организацию. В процессе порождения социального организма образуется лишь тоталитарный деспотизм.

«О дивный новый мир» рисует фантастическую и немного фривольную картину общества, где попытка превратить человеческих существ в

подобие термитов была доведена практически до абсурда. Очевидно, что мы движемся в направлении Дивного Нового Мира. Но не менее очевидно и то, что при желании мы можем отказаться сотрудничать со слепыми силами, толкающими нас и этом направлении. Однако создается впечатление, что желание сопротивляться не очень сильно и распространено не слишком широко. Как доказал Уильям Уайт в своей книге «Человек организации», на смену традиционной этической системе, в которой личность первична, приходит социальная этика. Ключевые понятия в ней — «приспособление», «адаптация», «социально-ориентированное поведение», «принадлежность», «приобретение социальных навыков», «командная работа», «групповой образ жизни», «верность группе», «групповая динамика», «групповое мышление», «групповое творчество». Философия данной системы строится на том, что общество в целом имеет бóльшую ценность и значимость, чем отдельные личности, врожденные биологические различия следует принести в жертву культурному единообразию, а права коллектива значат больше, чем то, что в восемнадцатом веке называли правами человека. Исходя из социальной этики, Иисус глубоко за-

блуждался, утверждая, что суббота сотворена для человека. Напротив, человек сотворен для субботы и должен отказаться от своих личных черт и воплощать собой некий стандартизованный образ души компании — стать инструментом, который организаторы групповой деятельности считают идеальным для своих целей. Идеальный человек проявляет «динамический конформизм» (восхитительное словосочетание!), горячо предан группе, всегда стремится подчиниться и найти свое место в коллективе. А идеальному человеку нужна идеальная жена — с хорошо развитым стадным инстинктом и великолепным умением приспосабливаться к обстоятельствам, не только понимающая и готовая смириться с тем, что ее муж предан в первую очередь корпорации, но и сама активно преданная ей же. Как сказал Мильтон об Адаме и Еве: «Создан муж для Бога только, и жена для Бога, в своем супруге». Но в одном отношении жена идеального человека организации оказывается в худшем положении, чем наша Праматерь. Господь дозволил Еве с Адамом свободно предаваться «шалостям», присущим «молодой чете».

Адам,

Я полагаю, от подруги милой
Не отвернулся, так же и жена
Отказом не ответила, блюдя
Обычай сокровенный и святой
Любви супружеской.

Сегодня же один автор пишет в «Гарвард бизнес ревю», что жена человека, пытающегося соответствовать идеалам социальной этики, «не должна требовать, чтобы муж тратил на нее слишком много времени и уделял ей излишнее внимание. Ему следует полностью сосредоточиться на работе и свою сексуальную активность низвести до вторичной потребности». Монахи дают обет бедности, послушания и безбрачия. Человеку организации дозволено быть богатым, но он обещает быть послушным («он без возмущения принимает власть, он уважает вышестоящих») и должен быть готов принести в жертву дальнейшему процветанию своей организации даже супружескую любовь.

Стоит отметить, что в «1984» сексуальная активность членов партии ограничивалась порядками еще более строгими, чем у пуритан. В книге «О дивный новый мир» любой имеет право реализовывать свои сексуальные желания безо

всяких ограничений, не спрашивая разрешения. Общество, описанное в истории Оруэлла, находится в состоянии перманентной войны, и его правители, во-первых, используют свои полномочия для наслаждения властью как таковой, а во-вторых, стремятся постоянно держать подданных в напряжении, поскольку это необходимо в обществе, постоянно находящемся на военном положении. Развернув целую кампанию против секса, руководители партии могут поддерживать нужное состояние напряжения и в то же время наилучшим образом удовлетворять свою жажду власти. Сообщество, описанное в работе «О дивном новом мире», — мировое государство, где война ликвидирована и главная цель правителей — любой ценой заставить граждан не создавать проблем. Для достижения данной цели правительство в числе прочего устраняет семью как явление, легализуя такую степень сексуальной свободы, что жители Дивного Нового Мира почти гарантированно избавлены от деструктивного или креативного сексуального напряжения. В «1984» жажда власти утолялась причинением боли, в «О дивном новом мире» — не менее унизительным удовольствием.

Очевидно, что ныне существующая социальная

этика — лишь оправдание, попытка скрасить крайне неблагоприятные последствия заорганизованности. Она представляет собой жалкую попытку превратить необходимость в добродетель, извлечь пользу из плачевной ситуации. Эта нравственная система практически полностью оторвана от реальности, а потому очень опасна. Общество, почитающееся большей ценностью, чем его составные части, — не организм в том смысле, в каком организмом может считаться улей или термитник. Это просто организация, социальный механизм. Общество не может иметь ценностей, кроме тех, что связаны с жизнью и просвещением. Организация не живое существо, и она не обладает разумом. Ее функция инструментальна и вторична. Организация сама по себе не имеет значимости, ее ценность зависит от того, какую пользу она приносит отдельным элементам общества — индивидам. Ставить организацию выше отдельных людей означает подчинить цель средствам. Что́ происходит, когда цель подчинена средствам, нам наглядно продемонстрировали Гитлер и Сталин. Под их чудовищным правлением личности-цели подчинялись организациям-средствам, для чего использовалось сочетание насилия и пропаган-

ды, систематического террора и манипуляций сознанием. В будущем, когда диктаторы найдут более эффективные средства управления, насилия, вероятно, будет намного меньше, чем при Гитлере и Сталине. Будущие диктаторы станут организовывать дисциплину в своих владениях безболезненно, усилиями целого взвода высококвалифицированных специалистов в сфере социальной инженерии. «Вызов, который сегодня бросает нам социальная инженерия, — с воодушевлением пишет сторонник этой новой науки, — подобен тому, который почти пятьдесят лет назад бросала нам техническая инженерия. Если первая половит двадцатого века являлась эрой инженеров-техников, то вторая половина вполне может оказаться эрой социальных инженеров». А двадцать первый век, полагаю, будет эрой мировых контролеров, научно организованных кастовых систем и Дивного Нового Мира. В ответ на вопросы: кто стережет стерегущих, кто будет организовывать организаторов? — нам безапелляционно заявляют, что организаторы в надзоре не нуждаются. Некоторые доктора социологических наук трогательно верят в то, что им искушение властью не страшно. Подобно сэру Галахаду они обладают десятикратной силой,

поскольку сердца их чисты, а сердца их чисты потому, что они ученые и изучали социологию на протяжении шести тысяч академических часов.

Увы, высшее образование не является залогом добродетели или политической мудрости. И к подобным сомнениям этического или философского характера следует прибавить чисто научные вопросы. Можем ли мы принять теории, на которых строят свою практику социальные инженеры и которыми они оправдывают манипуляции над человеческой личностью? Например, профессор Элтон Майо категорично заявляет, что «желание человека трудиться совместно с другими — это важная, возможно даже важнейшая, черта человеческой личности». На мой взгляд, это неверно. У некоторых людей есть стремление, описанное Майо, у других — нет. Это зависит от темперамента и склада характера. Любая социальная организация, построенная на том, что человек, кем бы он ни был, стремится постоянно взаимодействовать с другими людьми, может оказаться для многих людей прокрустовым ложем. И для них единственным путем к адаптации станет ампутация — или дыба.

А сколько романтичных заблуждений можно найти в лирических описаниях Средневековья,

которыми украшают свои работы современные теоретики в сфере социальных отношений! «Членство в гильдии, феодальное землевладение или статус жителя деревни защищал средневекового человека на протяжении всей жизни, давая ему мир и спокойствие». Защищал от чего? Уж точно не от беспощадной травли со стороны вышестоящих. А наряду с «миром и спокойствием» в Средние века наблюдалось множество случаев хронического перенапряжения, острого ощущения несчастья и яростной неприязни к жесткой иерархической системе. Она не позволяла продвигаться вверх по социальной лестнице, а тех, кто был прикреплен к земельному участку, существенно ограничивала и в географических передвижениях. Слепые силы — перенаселенность и заорганизованность — и социальные инженеры, которые пытаются направлять их, подталкивают нас к средневековой системе. К подобному возрождению старых порядков люди отнесутся спокойнее, чем относились к ним жители Средних веков, ведь на смену старым средствам придут такие методы Дивного Нового Мира, как обусловливание во младенчестве, обучение во сне и наркотическая эйфория. Однако для большинства людей это все равно будет свое-

го рода рабством.

IV. Пропаганда в демократическом обществе

«Европейские теоретики, — писал Джефферсон, — пытаются доказать, что людей и их многочисленные объединения можно заставить соблюдать порядок и действовать по справедливости лишь при помощи физического и морального давления, оказываемого властями, независимыми от воли этих людей. Мы, основатели новой американской демократии, верим, что человек — разумное существо, от природы наделенное правами и врожденным чувством справедливости. Его можно удержать от дурных поступков и защитить его права ограниченной властью, переданной избранным им людям, которые сохраняют свою должность лишь по его воле». Постфрейдисты сочли бы подобные рассуждения старомодными и трогательно-наивными. Оптимисты восемнадцатого века ошибались, приписывая человеку излишний разум и врожденное чувство справедливости. Но ошиблись и пессимисты двадцатого века, убеждавшие нас в том, что у человека нет никакой морали и разума. Несмотря на власть

бессознательного, многочисленные неврозы и преимущественно низкий уровень интеллекта у населения, большинство людей, вероятно, достаточно порядочны и благоразумны, чтобы самостоятельно управлять своей судьбой.

Демократические институты позволяют сочетать общественный порядок с личной свободой и инициативой и подчинять непосредственную власть управляющих абсолютной власти управляемых. То, что в Америке и Западной Европе эти институты сработали в целом успешно, в достаточной мере доказывает относительную правоту оптимистов восемнадцатого века. Если предоставить человеческим существам объективную возможность, они способны к самоуправлению, причем лучшему, чем управление «властями, независимыми от их воли», — хотя этому управлению будет недоставать эффективности хорошо слаженного механизма. Повторюсь: если дать им возможность, поскольку это необходимое условие. Ни один человек, резко перешедший из состояния рабской зависимости под правлением деспота в совершенно незнакомое ему состояние политической независимости, не имеет объективной возможности привести в действие демократические институты. Не имеет возмож-

ности создать демократическое самоуправление и страна с нестабильной экономикой. Либерализм процветает в атмосфере благополучия и увядает, когда оно идет на спад и правительству приходится все чаще и интенсивнее вмешиваться в дела граждан. Перенаселенность и заорганизованность — два условия, которые, как я уже писал, лишают общество возможности поддерживать эффективное функционирование демократических институтов. Таким образом, мы видим, что в определенных исторических, экономических, демографических и технологических условиях джефферсоновским разумным существам, наделенным от природы неотчуждаемыми правами и врожденным чувством справедливости, будет очень нелегко проявлять разум, требовать соблюдения своих прав и принимать справедливые решения в демократическом сообществе. Нам, жителям Запада, невероятно повезло: нам была предоставлена объективная возможность провести грандиозный эксперимент по самоуправлению.

К сожалению, складывается впечатление, будто из-за последних изменений в мире мы мало-помалу лишаемся этой драгоценной возможности. И разумеется, это еще не все. Свободе личности

и демократическим институтам угрожают не только слепые безличные силы. Есть и иные силы — менее абстрактные по своей природе. Они могут намеренно использоваться стремящимися к власти людьми для установления частичного или полного контроля над другими. Пятьдесят лет назад, когда я был мальчишкой, казалось самоочевидным, что старые недобрые времена позади, а пытки и массовые убийства, рабство и преследование еретиков остались в прошлом. Для людей, которые носили цилиндры, путешествовали поездом и принимали ванну каждое утро, подобных явлений просто не существовало. В конце концов, мы живем в двадцатом веке. А через несколько лет те же люди, которые каждый день принимали ванну и ходили в церковь в цилиндрах, начали совершать такие зверства, какие не снились отсталым африканцам и азиатам. Принимая во внимание новейшую историю, было бы глупо предполагать, что подобное не повторится. Но есть основания считать, что в ближайшем будущем карательные методы в духе «1984» уступят место подкреплению и манипуляциям в стиле «О дивного нового мира».

Существует два вида пропаганды: рациональная — подталкивающая к действиям, которые

по объективным причинам выгодны тем, кто ее проводит и кому она адресована, и иррациональная — не приносящая разумной выгоды никому, а продиктованная страстями и взывающая к ним же. Когда речь идет о действиях отдельных людей, можно руководствоваться более возвышенными мотивами, чем выгода, но когда необходимо предпринять коллективные действия в сфере политики и экономики, здоровая выгода становится, пожалуй, самой эффективной мотивацией. Если бы политики и избиратели всегда действовали в собственных интересах или в интересах своей страны, этот мир стал бы раем на земле. В действительности же они часто действуют вопреки собственным интересам, стремясь лишь к удовлетворению низменных страстей, а в итоге мир оказывается ввергнут в несчастье.

Пропаганда в пользу выгоды взывает к разуму посредством логических доводов, основанных на лучших из возможных доказательств, которые предоставляются честно и в полном объеме. Пропаганда в пользу неразумных, чуждых выгоде порывов, предоставляет ложные, искаженные или недостаточные сведения и избегает логических доводов. Такие пропагандисты пытаются

воздействовать на своих жертв, громко повторяя ключевые слова, яростно нападая на козлов отпущения, которых находят и в стране, и за ее пределами, и ловко привязывая высокие идеалы к низшим страстям. Зверства совершаются во имя Господа, а самые циничные взгляды рассматриваются как вопросы религиозных принципов или патриотического долга.

Как сказал Джон Дьюи, «возрождение веры в природу человека и ее способность реагировать на разум и истину лучше защитит от тоталитаризма, чем демонстрация материального успеха или истовое благоговение перед определенными формами политики и законодательства». Способность отзываться на разум и истину развита в каждом из нас. Но к сожалению, есть и склонность отзываться на глупость и ложь, особенно в случаях, когда ложь вызывает приятные эмоции или некая привлекательная сторона глупости находит отклик в какой-то глубинной, примитивной и животной части нашей души. В некоторых сферах жизни человек научился постоянно отзываться на разум и истину. Авторы научных статей не взывают к чувствам других ученых и инженеров. Они излагают свое мнение об определенных аспектах реальности и считают его

соответствующим действительности, они ищут наблюдаемым фактам разумное объяснение и выдвигают в поддержку своего мнения доводы, рассчитанные на разумное восприятие другими людьми. Все это довольно просто в области технологий и естественных наук. И намного сложнее в области политики, религии и этики. В данных сферах от нас часто ускользают очень существенные факты. Значение же фактов зависит от того, в какой именно системе воззрений мы решили их интерпретировать. И это не единственные сложности, с которыми предстоит столкнуться разумному правдолюбцу. В общественной и в частной жизни нам зачастую не хватает времени, чтобы собрать всю важную информацию или оценить ее. Мы вынуждены действовать на основании недостаточной информации, озаренной не ровным светом разума, но чем-то тусклым. Сколько бы нравственных усилий ни приложили, мы не можем всегда оставаться абсолютно честными и руководствоваться разумом. В наших силах лишь быть настолько честными и разумными, насколько позволяют обстоятельства, и наилучшим образом воспринимать немногочисленную правдивую информацию и небезупречные логические умозаключения, которые нам предлагают

на рассмотрение.

«Если нация хочет одновременно невежества и свободы, — писал Джефферсон, — то она хочет невозможного. Народ не может быть в безопасности, если у него нет информации. Там, где есть свобода слова и где каждый может прочитать газету, царит безопасность». Примерно в то же время еще один страстный почитатель разума, живший по другую сторону Атлантики, говорил примерно то же самое. Вот что писал Джон Стюарт Милл о своем отце, философе-утилитаристе Джеймсе Милле: «Столь сильной была его вера во власть, которую обретает разум над человеческими умами, что он считал, будто можно получить все, если только все население будет уметь читать, и если позволено будет, обращаясь к народу, высказывать любое мнение устно или письменно, и если народ сможет голосованием избирать законодательство, чтобы претворять в жизнь обретенные мнения». Там царит безопасность, там можно получить все! И снова слышатся отзвуки оптимизма восемнадцатого века! Джефферсон, надо признать, был не только оптимистом, но и реалистом. На собственном горьком опыте он узнал, что бывают случаи, когда свободой прессы позорно злоупотребляют. «Сейчас нельзя верить

ничему из того, что пишут в газетах», — заявлял он. И все же настаивал, что «в вопросах истины газета выполняет благородную роль, способствуя одновременно и развитию науки, и гражданской свободе». В общем, средства массовой информации не хороши и не плохи, это просто фактор, а его могут использовать во благо или во вред. В одних руках газеты, радио и кино могут стать необходимым условием выживания демократии. В других — занять почетное место в арсенале диктатора. В области средств массовой информации, как и почти во всех производственных областях, технический прогресс навредил маленькому человеку и помог большому. Пятьдесят лет назад любая демократическая страна могла похвастаться обилием журналов, издающихся небольшим тиражом, и местных газет. Тысячи издателей по всей стране выражали независимые суждения. Тем или иным путем практически любой человек мог напечатать что угодно. На сегодняшний день пресса сохраняет свободу в юридическом смысле, но большинство малотиражных газет исчезло. Стоимость целлюлозы, современного печатного оборудования и гонорары новостных агентств слишком высоки для маленького человека. На тоталитарном Востоке установлена политиче-

ская цензура и средства массовой информации находятся под контролем государства. На демократическом Западе цензура — экономическая, и средства массовой информации находятся под контролем властвующей элиты. Цензура, устанавливаемая посредством высокой стоимости, и переход власти над средствами массовой информации к нескольким крупным концернам вызывает меньше нареканий, чем государственный контроль и правительственная пропаганда. Однако и такой метод, несомненно, не вызвал бы одобрения у демократа, разделяющего идеалы Томаса Джефферсона.

Раньше поборники всеобщей грамотности видели только два варианта: в пропаганде может содержаться или истина, или ложь. Они не предвидели того, что произошло позднее, и в первую очередь у нас, на Западе, в мире демократии и капитализма. А произошло вот что: образовалась обширная индустрия средств массовой информации, основным интересом которой стали не истина и не ложь, а сфера нереальных и в определенной степени совершенно незначительных явлений. Исли коротко, то они не учли практически неистребимой тяги человека к развлечениям.

В прошлом людям не представлялось возможности полностью удовлетворить это стремление. Они жаждали развлечься, но было нечем. Рождество наступало раз в году, праздников было мало, книг — еще меньше, а за кинотеатр могла сойти разве что приходская церковь, взгляды которой не отличались разнообразием. Чтобы найти условия, хотя бы отдаленно напоминающие нынешние, нам нужно обратить взоры к императорскому Риму, где благодушный настрой жителей поддерживался постоянными бесплатными развлечениями — от поэтических представлений до гладиаторских боев, от чтений Вергилия до вольной борьбы, от концертов до парадов войск и публичных казней. Но даже в Древнем Риме народные забавы не могли сравниться с бесконечным потоком развлечений, изливаемым на нас газетами, журналами, радио, телевидением и кино. В «О дивном новом мире» безостановочные, самые немыслимые развлечения (ощущальные фильмы, «пей-гу-ляйгу», центробежная лапта) целенаправленно используются как методы политического контроля, чтобы не позволить людям обратить пристальное внимание на истинную политическую и социальную обстановку. Мир религии отличается от

мира развлечений, но в одном они схожи — и то и другое явно «не от мира сего». Оно помогает людям отвлечься от реальности, но если слишком долго пребывать в этом, тогда и то и другое может стать, как говорил Маркс, «опиумом народа» и, соответственно, угрозой свободе. Лишь тот, кто бдителен, сумеет сохранить свободу, и те, кто постоянно и здраво отслеживает обстановку в мире, смогут установить эффективное демократическое самоуправление. Общество, большинство членов которого проводят значительную часть времени не в этой реальности, а в иных мирах — в праздных мирах спорта и мыльных опер, мифологии и метафизических фантазий, — едва ли сможет сопротивляться натиску желающих манипулировать обществом и контролировать его.

В своей пропаганде диктаторы полагаются в основном на повторение, утаивание и рационализацию — повторение громких лозунгов, какие они хотят выдать за истину, утаивание фактов, на которые народу, по их мнению, не следует обращать внимания, и пробуждение и рационализацию страстей, которые можно было бы использовать в интересах партии или государства. Но, лучше поняв искусство манипулирования, диктаторы будущего, несомненно,

научатся сочетать его с бесконечными развлечениями, которые на Западе уже сейчас грозятся утопить в море незначительного разумную пропаганду, необходимую для сохранения свободы личности и выживания демократических институтов.

V. Пропаганда при диктатуре

Когда гитлеровского министра вооружений Альберта Шпеера судили после Второй мировой войны, он произнес длинную речь, с потрясающей точностью описав фашистскую тиранию и проанализировав ее методы. «Диктатура Гитлера, — сказал он, — имела одно существенное отличие от всех предшествующих диктатур. Это была первая диктатура, установленная в эпоху развитых технологий, и диктатор в полной мере использовал технические средства для обретения власти над собственной страной. При помощи радио и громкоговорителя он лишил независимого мышления восемьдесят миллионов человек. И таким образом стало возможно подчинить их воле одного человека. Жившим ранее диктаторам даже на самых низких уровнях требовались высококвалифицированные помощники — люди, способные мыслить и действовать независимо. В эпоху развитых технологий тоталитарная система может обойтись без этих посредников. Благодаря современным средствам коммуникации на низших инстанциях управленцев можно заменить машинами. В результате в системе

появился новый тип исполнителя, не подвергающего приказы критике».

В Дивном Новом Мире, который я описал в своем романе-предсказании, технологии продвинулись значительно дальше, чем во времена Гитлера. Приказы в нем воспринимаются менее критично, чем приказы фашистов, а элита, отдающая приказы, пользуется уважением. Более того, люди в Дивном Новом Мире генетически стандартизованы, а после рождения их программируют на подчинение и выполнение определенных функций, и в результате можно рассчитывать, что их поведение будет почти таким же предсказуемым, как у машин. Как мы увидим далее в этой главе, подобное обусловливание лидеров на низших инстанциях уже происходит в коммунистических диктатурах. Китайцы и русские не просто полагаются на побочное воздействие развивающихся технологий — они воздействуют непосредственно на психику и физиологию лидеров низших инстанций, подвергая их беспощадному и во всех отношениях высокоэффективному систематическому обусловливанию.

«Многих людей, — говорил Шпеер, — преследуют кошмары, что однажды человечество может

оказаться во власти технических средств. Эти кошмары едва стали явью при гитлеровском тоталитарном режиме». Нацистам не хватило времени, а также, вероятно, интеллекта и знаний, чтобы программировать и обусловливать лидеров на низших уровнях. Очевидно, это одна из причин их краха.

Со времен Гитлера технический арсенал потенциального диктатора существенно расширился. Наряду с радио, громкоговорителем, кинокамерой и ротационной машиной современный пропагандист может использовать телевидение, чтобы транслировать не только голос, но и изображение своего клиента, и может записывать изображение и голос на катушки магнитофонной ленты. Благодаря технологическому прогрессу пропагандист обрел почти божественное всесилие. Мощь потенциального диктатора укрепилась не только в области технологий. Огромную работу проделали в тех сферах прикладной психологии и нейрологии, которые представляют особенный интерес для пропаганды, внушения и промывки мозгов. В прошлом эксперты по управлению умами были эмпириками. Методом проб и ошибок они выработали весьма действенные техники и процедуры, но не понимали их

эффективности. В наше время искусство управления умами постепенно превращается в науку. Практики этой науки знают, что и зачем делают. В своей работе они руководствуются теориями и гипотезами, имеющими под собой прочную базу из доказательств, полученных экспериментальным путем. Благодаря новым открытиям и методам кошмары, едва не претворенные в жизнь при гитлеровском тоталитарном режиме, могут вскоре стать реальностью.

Но прежде чем обсуждать эти новые открытия и методы, давайте взглянем на кошмар, который едва не стал явью в фашистской Германии. Какие методы использовали Гитлер и Геббельс, чтобы лишить восемьдесят миллионов человек независимого мышления и подчинить воле одного человека? И на какой антропологической теории основывались столь ужасающе действенные методы? На эти вопросы можно ответить словами самого Гитлера. И какой проницательностью обладают эти слова! Когда Гитлер пишет о таких абстракциях, как «раса», «история» и «Провидение», читать его совершенно невозможно. Но когда он пишет о немецких народных массах и о методах, с помощью которых он управлял ими и направлял их, его стиль меняется. Бессмыслица

уступает место здравому смыслу, напыщенность — четкой и циничной ясности. В своих работах Гитлер либо излагал собственные смутные мечтания, либо воспроизводил полусырые идеи других людей. В своих заметках о поведении толпы и пропаганде он писал о проблемах, которые познал на личном опыте. Как сказал его биограф Алан Балок, «Гитлер был величайшим демагогом в истории человечества». Те, кто добавляет «всего лишь демагогом», не способны оценить природу политической власти в эпоху массовой политики. Сам Гитлер считал, что «быть лидером означает уметь привести в движение народные массы». Целью Гитлера было вначале привести массы в движение, а затем, лишив их традиционных представлений о морали и законе, насадить (с согласия загипнотизированного большинства) разработанный им новый авторитарный режим. «Гитлер, — писал Герман Раушинг в 1939 году, — глубоко уважает католическую церковь и орден иезуитов не за их религиозные взгляды, но за разработанный и управляемый ими организационный аппарат, за их иерархическую систему, необычайно изобретательную тактику, понимание человеческой природы и мудрое использование человеческих слабостей, позволя-

ющее управлять верующими». Приверженность церковным доктринам без приверженности христианству, соблюдение сурового монашеского порядка не во славу Господа и не для спасения души, но ради государства и пущей славы и власти демагога, ставшего лидером, — такова цель, к которой должно было привести систематическое управление народными массами.

Рассмотрим, что говорил Гитлер о массах, которые он побуждал к движению, и как он это делал. Первый принцип стал субъективной оценкой: народные массы заслуживают исключительно презрения. Они совершенно не способны к абстрактным размышлениям и их не интересует ничто за пределами их непосредственного опыта. Их поведение обусловлено не знаниями и разумом, а чувствами и бессознательными желаниями. Именно в этих побуждениях и чувствах «заложены истоки и позитивных, и негативных их суждений». Для достижения успеха пропагандист должен уметь управлять этими инстинктами и эмоциями. «Движущей силой, которая привела к многочисленным революциям, никогда не являлась научная идея, имевшая популярность у народа. Нет, массы всегда вдохновляла страсть, а зачастую и некая истерия.

Она толкала их к действиям. Желающий обрести власть над массами должен найти ключ к их сердцам» — или, используя постфрейдистскую лексику, к бессознательному.

Особенно активно Гитлер взывал к представителям низших слоев среднего класса, потерявших все во время кризиса 1923 года, а затем в 1929 году. Народные массы, о которых он говорил, состояли из миллионов обескураженных, отчаявшихся людей, живущих в постоянной тревоге. Чтобы еще сильнее подавить их индивидуальность и превратить в однородную массу, Гитлер собирал их в просторных залах и на стадионах, где они могли отбросить свою индивидуальность и даже элементарную человечность, став частью толпы. Человек вступает в непосредственный контакт с обществом двумя способами: либо как член семьи, профессиональной или религиозной группы, либо как часть толпы. Группы могут обладать теми же моральными и интеллектуальными качествами, что и индивиды, из которых они формируются, толпа же хаотична, не имеет собственных целей и способна на все за исключением разумных действий и рационального мышления. Собравшись в толпу, люди теряют способность руководствоваться в своих

решениях разумом и моралью. Их внушаемость возрастает до такой степени, что они полностью теряют собственные суждения и волю. Становятся крайне возбудимыми, теряют чувство личной и коллективной ответственности, подвержены внезапным приступам ярости, энтузиазма и паники. В общем, человек в толпе ведет себя так, словно принял огромную дозу сильнодействующего наркотика. Он становится жертвой того, что я называю стадным ядом. Подобно алкоголю стадный яд — активный наркотик, его действие направлено на окружающий мир. Человек, находящийся под воздействием этого яда, отбросив ответственность, интеллект и мораль, превращается в отчаянное животное безумие.

За долгие годы агитационной деятельности Гитлер изучил эффекты, вызываемые стадным ядом, и научился использовать его в своих целях. Он обнаружил, что оратор может разбудить в человеке скрытые силы, толкающие на определенные действия, гораздо успешнее, чем писатель. Чтение — личное, а не коллективное занятие. Писатель обращается к отдельным личностям, они читают в одиночестве и на трезвую голову. Оратор же обращается к уже отравленным массам индивидов. Они находятся в его

власти, и хороший оратор может делать с ними все, что заблагорассудится. Как оратор Гитлер знал свое дело превосходно. Он умел, по его же словам, «проследовать за огромной массой таким образом, что сами эмоции, переживаемые слушателями, подсказывали ему меткое слово, и, сказанное им, это слово затрагивало сердца слушателей». Отто Штрассер назвал его «громкоговорителем, оглашающим самые потаенные желания, самые неприемлемые инстинкты, страдания и внутренние противоречия целой нации». За двадцать лет до того, как началось серьезное исследование мотиваций, Гитлер уже методично исследовал и использовал тайные страхи и чаяния, стремления, тревогу и отчаяние немецких масс. Манипулируя скрытыми силами, специалисты по рекламе убеждают нас приобрести их товар — ту или иную зубную пасту, определенную марку сигарет, кандидата на политическую должность. И используя те же самые скрытые силы, а также некоторые из тех, что были слишком опасны, и потому не изучались, Гитлер убедил немецкий народ приобрести фюрера, безумную идеологию и Вторую мировую войну.

В отличие от народных масс у интеллигенции развит вкус к разумному и интерес к фактам.

Критический склад ума делает их устойчивыми к пропаганде, она хорошо работает с большинством. У масс «инстинкт первичен, и он порождает веру. В то время как здравые обыватели инстинктивно смыкают свои ряды, чтобы сформировать сообщество, интеллигенты разбегаются во все стороны, как куры на птичьем дворе. С их помощью нельзя творить историю, их нельзя использовать как составные части для создания общества». Интеллигенты всегда требуют фактов, логические несоответствия и ложные аргументы возмущают их до глубины души. Излишнее упрощение они считают первородным грехом разума и не принимают арсенал пропагандистов, состоящий из лозунгов, умозаключений и беспочвенных обобщений. «Любая эффективная пропаганда, — пишет Гитлер, — должна сводиться к нескольким ключевым утверждениям, которые нужно выразить формулами-стереотипами». Эти формулы необходимо постоянно повторять, поскольку «только постоянное повторение в итоге заставит мысль прочно осесть в памяти толпы». Философия учит нас подвергать сомнению даже то, что кажется самоочевидным. Пропаганда же, напротив, предлагает считать самоочевидным то, над чем

следовало бы задуматься, в чем было бы разумно усомниться. Цель демагога — создать согласованной социум под своим предводительством. Как отметил Бертран Рассел, «системы догм, никак не подтвержденных фактами, такие как схоластика, марксизм и фашизм, хороши тем, что легко обращают своих последователей в согласованный социум». Поэтому пропагандист-демагог должен быть последовательно догматичен. Все его утверждения голословны. В его картине мира нет оттенков серого, есть только дьявольский черный и ангельский белоснежный. По словам Гитлера, пропагандист должен выработать «последовательное и одностороннее отношение к каждому вопросу, который надлежит решить». Ни при каких условиях нельзя признавать, что он может ошибаться или люди с противоположными взглядами могут быть отчасти правы. С оппонентами не нужно спорить, на них следует нападать, их надо перекрикивать, а если они доставляют слишком много неудобств, ликвидировать. Интеллигента, трепетно относящегося к морали, подобный подход возмутит. Но массы всегда верят в то, что «истина на стороне атакующего».

Таково мнение Гитлера о человечестве. Мнение

невысокое. Но было ли оно неверным? Дерево узнают по его плодам, и теория, породившая столь успешные техники, должна быть хотя бы отчасти верна. Добродетель и интеллект присущи людям как индивидуумам, свободно взаимодействующим с другими индивидуумами в малых группах. Присущи им и порочность с глупостью. Но недочеловеческое безумие, к которому взывает демагог, и моральный идиотизм, на который он полагается, управляя своими жертвами, присущи не людям как индивидуумам, а людской массе. Безумие и моральный идиотизм не присущи людям как таковым, это симптомы стадного отравления. Во всех религиях получить спасение и достичь просветления могут только личности. Царствие небесное — в умах индивидов, а не в коллективном безумии толпы. Христос пообещал, что где двое или трое собраны во имя Его, там и Он среди них. Он никогда не обещал находиться там, где тысячи людей отравляют друг друга стадным ядом. Фашистский режим вынуждал множество людей подолгу маршировать плечом к плечу из пункта А в пункт Б и обратно. «Держать все население на марше казалось бессмысленной тратой времени и сил. И только намного позже, — добавляет Германн Раушинг,

— раскрылись тайные мотивы, основанные на хорошо продуманном балансировании цели и средств. Марш не позволяет человеку задуматься. Убивает мысль. Уничтожает индивидуальность». Марш — незаменимый трюк, прививающий людям привычку к механическому, квазиреалистичному действию настолько, что оно становится их второй натурой».

Со своей точки зрения, на том уровне, на котором Гитлер решил претворить в жизнь свой страшный план, он оценил человеческую натуру с безупречной точностью. Если же рассматривать каждого человека как личность, а не часть толпы или строго распределенных групп, он заблуждался. Как сохранить целостность человеческой личности и утвердить ее ценность в эпоху все возрастающей перенаселенности и заорганизованности и более эффективных, чем когда-либо, средств массовой информации? Сейчас еще можно задать этот вопрос и, вероятно, найти на него правильный ответ. А вскоре ответ будет уже не найти, и, может, в удушающем коллективном климате будущего невозможно будет задать и сам вопрос.

VI. Искусство продавать

Демократия выживает там, где множество людей способно принимать здравые решения, основываясь на информации, соответствующей действительности. Диктатура же поддерживается путем сокрытия и искажения фактов и взывает не к разуму и здоровому эгоизму, а к страстям и предрассудкам, к мощным скрытым силам, как называл их Гитлер, которые находятся в подсознании каждого человека.

На Западе провозглашаются демократические принципы, и способные и трезвомыслящие специалисты по пропаганде делают все возможное, чтобы предоставить избирателям соответствующую действительности информацию и при помощи рациональной аргументации убедить их принять разумное решение. И это приносит огромную пользу. Но к сожалению, пропаганда в западных сообществах, и прежде всего в Америке, двулика и неоднозначна. Часто о главе редакционного отдела стоит доктор Джекилл — демократ и пропагандист. Он с удовольствием доказал бы, что Джон Дьюи был прав, когда говорил о способности человеческой натуры отзываться на

все разумное и неподдельное. Но этот достойный человек лишь частично контролирует средства массовой информации. За рекламу же отвечает нерациональный, и потому антидемократичный, мистер Хайд, точнее, доктор Хайд, поскольку теперь Хайд стал доктором психологических наук, а также имеет степень магистра по социологии. И доктор Хайд огорчился бы, если все люди всегда оправдывали бы веру Джона Дьюи в человеческую натуру. Разум и истина — поприще Джекилла, к Хайду они не имеют отношения. Наш доктор Хайд анализирует мотивации, и его задача — изучить человеческие слабости и ошибки, исследовать бессознательные желания и страхи, которые в значительной степени определяют мышление и поведение человека. И Хайд изучает их. Но не как моралист, стремящийся сделать людей лучше, не как врач, который хочет улучшить состояние здоровья пациентов. Нет, он стремится выяснить, как наилучшим образом воспользоваться их невежеством и иррациональностью мышления, чтобы обеспечить материальную выгоду своим работодателям. Но в конце концов, можно возразить, что капитализм мертв, миром правит консьюмеризм, а консьюмеризм нуждается в услугах профессиональных

продавцов, искушенных в искусстве убеждения, включая самые коварные его аспекты. В системе свободного предпринимательства коммерческая пропаганда совершенно незаменима. Но незаменима не обязательно означает желательна. Некоторые аспекты можно считать очевидным благом в сфере экономики, но они отнюдь не являются таковым, когда дело касается избирателей, да и просто людей в целом. Представитель прошлого, более нравственного поколения был бы глубоко потрясен беспардонным цинизмом аналитиков мотивации. Сегодня книга вроде «Тайных манипуляторов» Вэнса Паккарда скорее позабавит нас, нежели приведет в ужас, повлечет за собой смирение, а не возмущение. Принимая во внимание исследования Фрейда и бихевиористов и постоянную отчаянную потребность массового производителя в массовом потреблении, это неудивительно. Но чего же нам следует ожидать в будущем? Совместимы ли в долгосрочной перспективе действия Хайда с действиями Джекилла? Может ли кампания в поддержку рационального стать успешной, когда со всех сторон на нее наступает другая, даже более активная кампания, пропагандирующая иррациональность? Я не стану пытаться ответить

на эти вопросы прямо сейчас, но они останутся, так сказать, на заднем плане наших рассуждений о методах массового убеждения в технологически продвинутом демократическом обществе.

Задачи коммерческого пропагандиста в определенном смысле проще, а в каком-то — сложнее тех задач, которые стоят перед политическим пропагандистом, работающим на нынешнего или будущего диктатора. Проще, потому что люди изначально благосклонно настроены по отношению к пиву, сигаретам и морозильникам, в то время как практически никто не питает расположения к тиранам. Сложнее, потому что правила данной конкретной игры не позволяют коммерческому пропагандисту взывать к примитивным инстинктам его аудитории. Человек, рекламирующий молочные продукты, с удовольствием сообщил бы своим читателям и слушателям, что в корне всех их проблем лежат махинации международной банды бездушных производителей маргарина и долг любого патриота — выйти на марш и сровнять с землей фабрики этих злодеев. Однако подобное пропагандисту не дозволено, и ему приходится довольствоваться более умеренным подходом. Но умеренный подход будоражит меньше, чем словесное или физическое наси-

лие. В долгосрочной перспективе, однако, гнев и ненависть побеждают сами себя. В краткосрочной перспективе они обеспечивают огромную отдачу в виде психологического, а иногда и физического удовлетворения. Последнее — благодаря выбросу значительного количества адреналина и норадреналина. Очевидно, изначально люди не расположены к тирании, но когда тиран — будущий или ныне существующий — пропагандирует ненависть к врагам, особенно к врагам слабым, чтобы на них можно было начать гонения, тем самым помогая людям высвободить адреналин, — тогда люди с воодушевлением последуют за ним.

В своих речах Гитлер повторял такие слова, как «ненависть», «сила», «безжалостно», «разрушить», «раздавить», сопровождая их яростными жестами. Он кричал, орал, у него вздувались вены на шее и багровело лицо. Сильные эмоции — это известно любому актеру или драматургу — необычайно заразительны. Подстегнутые неистовством оратора, зрители стонали, рыдали и кричали в пароксизмах необузданной страсти. И подобные оргии доставляли столько удовольствия, что, раз попробовав, люди охотно возвращались к ним.

Практически все мы жаждем мира и свободы, но лишь немногие активно стремятся к мыслям, чувствам и действиям, порождающим мир и свободу. И наоборот, практически никто не хочет войны и тирании, однако множество людей находят острейшее наслаждение в мыслях, чувствах и действиях, порождающих эти явления. Эти мысли, чувства и действия слишком опасны, чтобы использовать их в коммерческих целях. Лишенный этого оружия специалист по рекламе должен использовать менее одурманивающие эмоции и не такую вопиющую иррациональность.

Эффективная рациональная пропаганда возможна, только если все затронутые стороны четко понимают природу символов и их связь с предметами и событиями, которые они представляют. Эффективность иррациональной пропаганды полностью завязана на всеобщую неспособность понимать природу символов. Недалекие люди склонны приписывать предметам и событиям некие свойства, выраженные теми словами, которые избрал для этого пропагандист, преследующий определенные цели. Рассмотрим простой пример. Большинство косметических средств производится из ланолина, представляющего собой взбитую в эмульсию

смесь очищенного шерстяного жира и воды. У эмульсии множество ценных качеств: она хорошо впитывается в кожу, не портится и обладает легким антисептическим действием. Но коммерсанты не говорят о реальных достоинствах этой эмульсии. Они дают ей живописное и соблазнительное название, восторгаются женской красотой и показывают фотографии роскошных блондинок, питающих свою кожу этими косметическими яствами. «Производители косметики, — писал один из таких коммерсантов, — продают не ланолин. Они продают надежду». За проблеск надежды, за обманчивое обещание преображения женщины заплатят в десять или двадцать раз больше стоимости самой эмульсии, которую торговцы и рекламщики с помощью ложной символики так ловко соотнесли с глубинным и практически всеобщим женским желанием — стать привлекательней для противоположного пола. Принципы, лежащие в основе подобной пропаганды, необычайно просты. Найдите широко распространенное желание, глубинный страх или опасение, придумайте способ связать это желание или страх с продуктом, который вы хотите продать. Постройте своего рода мостик из вербальных или изобразительных символов, по

которому ваш покупатель перейдет от факта к мечте, а оттуда — к иллюзии, что приобретение вашего продукта сделает эту мечту явью. «Сегодня мы покупаем не апельсины, а жизненную энергию. Мы покупаем не автомобиль, а престиж». Так же и с другими товарами. Покупая, например, зубную пасту, мы приобретаем уже не просто чистящее и антисептическое средство, а освобождение от страха быть сексуально отталкивающими. С водкой и виски мы покупаем не протоплазмический яд, который в маленьких дозах может подавить нервную систему благоприятным с точки зрения психологии образом, мы покушаем дружелюбие и приятную компанию, тепло поселка Дингли-Делл[2] и великолепие «Русалки»[3]. Покупая слабительное, мы платим за здоровье греческого бога и сияние нимф Артемиды. С бестселлером этого месяца мы приобретаем культуру, зависть менее начитанных соседей и уважение более искушенных знакомых. В каждом из этих случаев мотивацион-

---

[2] notes: 2

Название поселка в романе Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»

[3] notes: 3

Таверна в лондонском районе Чипсайд, где собирались литературные деятели Елизаветинской эпохи

ный аналитик отыскал глубинное желание или страх, энергию которых можно использовать, чтобы заставить потребителя расстаться с деньгами и косвенно воздействовать на механизмы промышленности. Эта потенциальная энергия, накопленная в мыслях и телах бесчисленных индивидов, высвобождается и передается на цепочку символов, выстроенную таким образом, чтобы увести мысли человека от рациональности и объективного видения ситуации.

Иногда символы срабатывают за счет своей непропорциональной внушительности: подавляют и завораживают. Таковы религиозные обряды и процессии. Они укрепляют веру там, где она уже существует, и способствуют привлечению неверующих. Взывая к чувству прекрасного, они не обещают ни правды, ни этической ценности. История показывает, что религиозные обряды зачастую сопровождались, а потом и вытеснялись отнюдь не святыми благолепиями. При Гитлере, например, ежегодные Нюрнбергские митинги стали шедеврами ритуального и театрального мастерства. «Шесть лет до войны я провел в Санкт-Петербурге; на это время пришелся расцвет русского балета, — пишет сэр Невилл Хендерсон, британский посол в гитлеровской Германии, —

но, при всей его грандиозной красоте, я не видел балета, который мог бы сравниться с Нюрнбергскими митингами». Вспоминается Ките «краса есть правда, правда — красота»[4]. Увы, подобное родство существует на некоем абсолютном, сверхъестественном уровне. На уровне политики и теологии красота прекрасно сочетается с бессмыслицей и тиранией. Это очень удачно, поскольку если бы красота была несовместима с бессмыслицей и тиранией, в мире остались бы лишь крупицы искусства. Шедевры живописи, скульптуры и архитектуры создавались как религиозная или политическая пропаганда, во славу Господа, правительства или духовенства. Но большинство королей и священников являлись деспотами, а все религии были пронизаны суевериями и предрассудками. Гений стоял на службе у тирании, а искусство расхваливало достоинства местных культов. Время все расставляет по местам, отделяя хорошее искусство от дурной метафизики. Можем ли мы научиться проводить эту черту не после того, как произошло событие, а в процессе? Вот в чем вопрос.

В сфере коммерческой пропаганды все специ-

---

[4] notes: 4
«Ода к греческой вазе»

алисты четко понимают принцип непропорциональной зрелищности символов. У каждого пропагандиста есть художественный отдел, который делает все, чтобы расцветить улицы броскими рекламными плакатами, а соответствующие страницы журналов — яркими картинками и фотографиями. Шедевров в этом творчестве нет, ведь шедевры затрагивают ограниченное число людей, а задача коммерческого пропагандиста — захватить большинство. Для него идеал — в умеренном превосходстве. Можно ожидать, что тем, кому нравится это не слишком хорошее, но достаточно броское искусство, понравятся и товары, с которыми оно ассоциируется и символизирует.

Еще один непропорционально масштабный символ — рекламный текст. Рекламные тексты — изобретение недавнее, но религиозные и молитвенные песни — гимны и псалмы — существовали со времен появления самой религии. Военные песни, то есть марши, — ровесники войны, и несомненно, что еще в эпоху палеолита кочующие племена охотников и собирателей использовали своего рода патриотические песни, предшественники национальных гимнов, чтобы пробуждать групповую солидарность и подчер-

кивать различия между своими и чужими. В психологию большинства людей изначально заложена любовь к музыке. Мелодии имеют тенденцию прочно оседать в голове слушателя. Они остаются в памяти на всю жизнь. Возьмем какое-нибудь весьма неинтересное утверждение или ценностное суждение. В первозданном виде никто не обратит на него внимания. Но теперь переложите слова на заразительную, легко запоминающуюся мелодию. Слова мгновенно обретут власть. Более того, они будут бессознательно повторяться каждый раз, когда прозвучит эта мелодия, или даже когда она просто всплывет в памяти слушателя. Орфей вступает в союз с Павловым, сила звука — с условным рефлексом. Для пропагандиста, как и для его коллег в области политики и религии, музыка имеет еще одно преимущество. Чушь, которую любому разумному человеку будет стыдно записать, произнести или услышать, разумный человек станет петь или слушать в виде песни с удовольствием и даже некоей интеллектуальной целеустремленностью. Можем ли мы научиться разделять удовольствие от пения и прослушивания музыки и совершенно человеческую склонность верить пропаганде, скрытой в песне? И снова это вопрос,

на который нам еще только предстоит ответить.

Благодаря обязательному образованию и распространению прессы пропагандистам на протяжении многих лет удается доносить свои сообщения практически до каждого взрослого человека во всех цивилизованных странах. С помощью радио и телевидения он получил великолепную возможность взаимодействовать даже с необразованными взрослыми и не обученными грамоте детьми.

Дети легко поддаются пропаганде. Они ничего не знают о мире и его законах и не ожидают подвоха. У них не развиты навыки, необходимые для жизни в современном мире. У самых младших пока не развилось рациональное мышление, а у тех, что постарше, не хватает опыта для того, чтобы с успехом применять приобретенную рациональность. В Европе новобранцев называли пушечным мясом. Их младшие братья и сестры превратились в радиомясо и мясо телевизионное. Когда я был маленьким, нас учили петь детские песенки, а в религиозных семьях — гимны. Теперь малыши напевают рекламные песенки. Что лучше — «Рейнгольд золотой, мое крепкое

пиво» или «Эй, кошка и скрипка»[5]? «Пребудь со мной»[6] и «Куда девался желтый цвет? — С «Пепсодентом» его нет»?

«Я не утверждаю, что нужно заставлять детей выпрашивать у родителей товары, которые они увидели в рекламе по телевизору, но в то же время не могу закрыть глаза на то, что именно это и происходит изо дня в день». Так пишет звезда одной из многих передач, рассчитанных на юношескую аудиторию. «Дети, — добавляет он, — словно живые магнитофоны, записывают то, что мы говорим каждый день». Пройдет время, и эти живые магнитофоны, записавшие на свои пленки телерекламу, вырастут, начнут зарабатывать деньги и покупать продукцию нашей промышленности. «Подумайте, — восторженно пишет Клайд Миллер, — как взлетят ваши прибыли, если вы сможете запрограммировать миллион или десять миллионов детей! Они вырастут с условным рефлексом покупать ваш товар, подобно солдатам, которые запрограммированы двигаться при звуке ключевых слов “Шагом марш!”»

---

[5] notes: 5

Детская песенка из цикла «Песни Матушки Гусыни»

[6] notes: 6

Религиозный гимн, написанный шотландским англиканским священником Генри Фрэнсисом Лайтом

Да, только подумайте об этом! И помните при этом, что диктаторы и те, кто хочет ими стать, думают об этом много лет, и миллионы, десятки и сотни миллионов детей уже сейчас растут, запрограммированные на восприятие идеологии своего диктатора и готовые, подобно вымуштрованным солдатам, откликаться соответствующим поведением на ключевые слова, помещенные в их неокрепшие умы пропагандистом диктатора.

Степень самоуправления находится в обратной зависимости от количества людей. Чем больше избирателей, тем меньшую ценность имеет каждый отдельный голос. Будучи одним из миллионов, каждый отдельный избиратель ощущает себя бессильным и незначительным, чувствует, что им можно пренебречь. Кандидаты, которые благодаря и его голосу получили свои должности, оказались слишком далеко от него — на вершине пирамиды власти. Теоретически они слуги народа, но фактически приказы отдают именно слуги, а выполнять их должны люди, находящиеся у основания пирамиды. В результате прироста населения и развития технологий организаций стало больше, их структура усложнилась, в руках чиновников оказалось сосредоточено гораздо

больше власти, а избиратели, напротив, стали терять свое влияние и веру в демократические процедуры. Теперь демократические институты, уже ослабленные безличными силами, действующими в современном мире, подрываются еще и изнутри — политиками и их пропагандистами.

* * *

Люди совершают множество разнообразных иррациональных поступков, но, кажется, все они способны принимать разумные решения в свете имеющихся фактов. Демократические институты могут функционировать только в том случае, если все участники будут делать все возможное для повышения уровня осведомленности и поощрения рациональности. Но на сегодняшний день в самом мощном демократическом обществе мира политики и их пропагандисты предпочитают обессмысливать демократические процессы, обращаясь исключительно к невежеству и иррациональности избирателей. «Обе партии, — писал в 1956 году издатель ведущего делового журнала, — будут продавать своих кандидатов и взгляды на ключевые вопросы теми же методами, которыми предприниматели продают товары. Эти методы включают в себя научный

отбор доводов и декламацию наизусть заранее подготовленных текстов. Кандидатам необходимы не только звучный голос и хорошая дикция, по и умение смотреть в телекамеру честным взглядом».

Продавцы в области политики всегда обращаются только к человеческим слабостям и никогда — к их потенциально сильным сторонам. Они не предпринимают попыток воспитать в массах способность к самоуправлению — лишь манипулируют людьми, используя их в своих целях. Для этого мобилизуются и приводятся в действие все ресурсы, почерпнутые в психологии и общественных науках. С тщательно отобранными представителями электората проводятся так называемые углубленные интервью. В ходе этих интервью выясняются бессознательные страхи и желания, преобладающие в данном обществе на момент выборов. Затем эксперты выбирают фразы и изображения, успокаивающие, а при необходимости и усиливающие страхи, удовлетворяющие желания, по крайней мере символически. Они испытывают фразы и изображения на читателях и зрителях и вносят поправки и улучшения в соответствии с полученной информацией. После этого политическая

кампания готова к массовому распространению. Остается найти деньги и кандидата, которого можно научить напускать на себя честный вид. С наступлением новой эпохи принципы и конкретные политические программы утратили свою значимость. Теперь по-настоящему важны личность кандидата и свет, в котором его представят специалисты по рекламе.

* * *

Кандидату необходимо создавать притягательный образ — будь то пышущий энергией атлет или благодушный отец. Кроме того, он должен быть артистом, чтобы не дать зрителю заскучать. Приученный к телевидению и радио зритель привык развлекаться, ему не нравится, когда его заставляют сосредоточивать внимание на чем-то одном или длительное время напрягать интеллект. Все речи кандидата-артиста должны быть краткими и запоминающимися. На важнейшие вопросы дня нужно отводить самое большее пять минут. А лучше, учитывая, что публике хочется поскорее перейти от инфляции и водородной бомбы к чему-нибудь повеселее, уложиться в шестьдесят секунд. Природа ораторского искусства такова, что политики и служители церкви

всегда тяготеют к неоправданному упрощению сложных вопросов. Даже самым добросовестным ораторам оказывается нелегко рассказать правду с трибуны или платформы. А методы, используемые для рекламы политического кандидата, дают полную гарантию, что электорат не услышит правды ни о чем и никогда.

VII. Промывка мозгов

В двух предыдущих главах я описал методы, которые можно назвать «внушением оптом». Ими пользовались величайший демагог и самые успешные продавцы в истории человечества. Но никакую человеческую проблему нельзя решить только «оптовыми» методами. Иногда уместен дробовик, но порой лучше воспользоваться шприцем для подкожных инъекций. В следующих главах я расскажу о нескольких наиболее эффективных методах для манипулирования не толпами, не целыми аудиториями, а отдельными личностями.

В ходе своих опытов, положивших начало современному исследованию условных рефлексов, Иван Павлов заметил, что, пережив продолжительный физический или психологический стресс, лабораторные животные проявляют признаки нервного срыва. Мозг животного отказывается дальше справляться с невыносимой ситуацией и словно объявляет забастовку: либо полностью перестает работать (тогда собака теряет сознание), либо замедляет и саботирует собственную деятельность (собака начинает

вести себя неадекватно, или у нее проявляются физические симптомы, которые у человека вызывают истерику). Одни животные более стрессоустойчивы, чем другие. Собаки, чей темперамент Павлов описал как «сильный неуравновешенный», срываются гораздо быстрее, чем собаки с «подвижным» темпераментом. А «слабый» темперамент доходит до предела намного быстрее, чем «сильный, уравновешенный, инертный». Но даже собаки с самой устойчивой психикой не способны бесконечно выдерживать давление. Если стресс достаточно силен или если собака подвержена ему длительное время, то рано или поздно она сломается и крах будет столь же полным и окончательным, как и у собак с очень слабой психикой.

Во время Первой и Второй мировых войн открытия Павлова подтвердились на многочисленных и вселяющих настоящий ужас примерах. Катастрофическое событие или серия жутких происшествий, менее шокирующих, но часто повторяющихся, приводили к тому, что солдата выводил из строя ряд психофизических симптомов. Временная потеря сознания, перевозбуждение, летаргия, функциональная слепота или паралич, неадекватные реакции на внешние

возбудители, странные изменения в поведении, которых люди придерживались всю жизнь, — все эти симптомы, обнаруженные Павловым у собак, проявились и у жертв войны. В Первую мировую войну это считали военным неврозом, во Вторую — боевым истощением.

У каждого человека, как и у каждой собаки, есть свой предел. В современных боевых условиях при относительно непрерывном стрессе большинство людей окажутся на грани примерно через месяц. Люди с устойчивостью ниже средней сорвутся уже па пятнадцатый день. Люди с особенно крепкой психикой продержатся сорок пять или даже пятьдесят. Сильные, слабые — в итоге сломаются все. Точнее, все, кто изначально находился в здравом рассудке. Ирония состоит в том, что бесконечно выносить стресс современной войны могут только душевнобольные. Тех, кто безумен сам по себе, не затрагивает коллективное безумие.

С незапамятных времен известно, что предел есть у каждого, и люди всегда использовали это — пусть грубыми, ненаучными методами. Иногда чудовищное обращение одного человека с другим являлось следствием любви к жестокости как таковой, пугающей и притягательной.

Гораздо чаще, однако, чистый садизм подчиняли бытовым, религиозным или государственным нуждам. Физические пытки и иные формы стресса применялись следователями, чтобы развязать язык упрямому свидетелю, духовными лицами — чтобы наказать неверных или заставить их изменить взгляды, секретной полицией — чтобы вырвать признания у людей, подозреваемых в антиправительственных настроениях. При Гитлере жертвами пыток и последующих массовых уничтожений становились биологические еретики — евреи. Для молодого нациста служба в лагерях смерти была, по словам Гиммлера, «лучшим способом увидеть в деле теорию низших существ и недочеловеческих рас». Антисемитизм, который Гитлеру привили венские трущобы, граничил с одержимостью, а потому стало неизбежным подобное возрождение методов, которые в свое время инквизиция применяла в борьбе с ведьмами и еретиками. Но в свете открытий Павлова и опыта, приобретенного психиатрами в ходе лечения жертв послевоенного невроза, эти методы кажутся возмутительным, гротескным анахронизмом. Стрессы, которых с лихвой хватит для обеспечения полного срыва, вплоть до помутнения рассудка, можно обеспечить методами,

которые, оставаясь бесчеловечными, все же не являются физическими пытками.

Что бы ни происходило несколько лет назад, сейчас можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день полиция в странах с коммунистическим режимом нечасто прибегает к пыткам. За вдохновением они обращаются не к опыту инквизиции и СС, а к психологу и его лабораторным животным. Для диктатора и его полиции открытия Павлова имеют ряд важных практических применений. Если можно сломать центральную нервную систему собак, значит, так же можно поступить и с политическими заключенными. Надо лишь обеспечить стресс определенной интенсивности на протяжении определенного времени. В результате у заключенного разовьется невроз или истерика, и он будет готов признаться во всем, что пожелают его тюремщики.

Но одного только признания недостаточно. Безнадежный невротик совершенно бесполезен. Умному и практичному диктатору нужен не пациент психиатрической лечебницы, не потенциальная жертва расстрела, а человек, принявший его идеологию и готовый работать во имя «правого дела». Вновь обратившись к

трудам Павлова, диктатор узнает, что на пути к окончательному срыву у собаки повышается внушаемость. Когда мозг собаки уже перестал нормально функционировать или вот-вот окажется на пределе, новые поведенческие модели легко прививаются и в дальнейшем оказываются практически неискоренимыми. Подобное обусловливание нельзя повернуть вспять: то, чему животное было обучено под воздействием стресса, останется неотъемлемой частью его сущности.

Психологический стресс можно создать множеством способов. Собак выводит из равновесия интенсивная стимуляция, неопределенность из-за слишком отсроченной реакции на привычные стимулы, озадаченность, когда мозг получает стимулы, противоположные тем, которые она приучена ожидать, стимулы, не имеющие смысла в пределах понимания жертвы. Более того, обнаружилось, что намеренно вызванные страх, ярость или тревожность существенно повышают степень внушаемости у собак. Если поддерживать эти эмоции на высоком уровне интенсивности в течение достаточно длительного периода, мозг начинает «бастовать». Когда это происходит, новые поведенческие модели усваиваются легко.

К физическим же стрессам относятся, например, усталость, ранения и любые недуги.

Для будущего диктатора эти данные имеют важное практическое значение. Они, например, доказывают, что Гитлер был прав, утверждая, что ночные митинги оказываются гораздо эффективнее дневных. Днем, по словам Гитлера, «человеческая воля с величайшей силой сопротивляется любым попыткам подчинить ее воле и взглядам другого человека. Ночью, однако, люди гораздо проще уступают, оказываясь во власти более сильного человека».

Павлов согласился бы с Гитлером: утомление повышает степень внушаемости. Это одна из причин, по которой рекламодатели, спонсирующие телепередачи, предпочитают вечернее время и готовы заплатить за свои предпочтения звонкой монетой.

Болезнь повышает внушаемость еще лучше, чем усталость. В прошлом именно в лазаретах проводились многочисленные беседы на религиозные темы. Диктатор будущего, обладающий научными знаниями, установит во всех больницах в своих владениях подслушивающие устройства и колонки. В палатах двадцать четыре часа в сутки будут транслироваться пропаган-

дистские записи, а наиболее важных пациентов станут навещать проповедники и манипуляторы, как в прошлом их предков навещали священники, монахини и набожные миряне.

Задолго до исследований Павлова люди замечали и использовали тот факт, что сильные негативные эмоции имеют свойство повышать степень внушаемости и способствуют перемене мнения. Доктор Уильям Сарджент в своей замечательной книге «Битва за разум» рассказывает, что проповедник Джон Уэсли был обязан своим невероятным успехом интуитивному пониманию нервной системы человека. Он начинал свою проповедь с долгого и подробного описания мучений, которые неизбежно ожидают его слушателей, если те не примут надлежащую веру. Затем, когда ужас и мучительное чувство вины доводили прихожан до нервного срыва, проповедник менял тон и обещал спасение тем, кто уверует и покается. Подобными проповедями Уэсли обратил в свою веру тысячи взрослых и детей. Сильный и продолжительный страх доводил их до срыва, и они становились легко-внушаемыми. В этом состоянии они могли без всяких вопросов принять его рассуждения о Боге. Затем Уэсли успокаивал и утешал их, и паства выходила из

этого испытания с новыми, улучшенными поведенческими моделями, прочно укоренившимися в умах и нервных системах.

Успех политических и религиозных пропагандистов зависит не от того, какие доктрины они проповедуют, но от того, какие методы применяют. Доктрины могут быть истинными или ложными, здравыми или пагубными — это не имеет практически никакого значения. Если предложить идеи должным образом и на нужной стадии нервного истощения, то они приживутся. В правильных условиях практически кого угодно можно убедить в чем угодно.

У нас есть подробные описания методов, которые в коммунистических странах применяют на политических заключенных. С момента ареста жертву систематически подвергают разнообразным физическим и психологическим стрессам. Заключенного плохо кормят, создают ему некомфортные условия, по ночам позволяют спать лишь урывками. И все это время его держат в сильнейшем напряжении, нагнетая неуверенность и дурные предчувствия. День за днем, точнее, ночь за ночью — ведь следователи, знакомые с исследованиями Павлова, знают, как усталость повышает внушаемость, — его

допрашивают, часто по многу часов подряд, и прикладывают все усилия, чтобы запутать, обескуражить и запугать свою жертву. Через несколько недель или месяцев подобного обращения мозг заключенного объявляет забастовку, и тот готов признаться во всем, что нужно тюремщикам. Если его хотят обратить в свою веру, а не расстрелять, ему предлагают утешительную надежду. Если он безоговорочно примет истинную веру, его можно спасти, конечно, не в следующей жизни, ведь официально никакой следующей жизни не существует, а в нынешней.

Подобные, хотя и менее радикальные, методы применялись на военнопленных во время корейской войны. В китайских лагерях[7] молодых заключенных с Запада систематически подвергали стрессовому воздействию. За самые безобидные нарушения правил виновных вызывали в кабинет командира, там допрашивали, запугивали и публично унижали. И этот процесс повторялся снова и снова, в любое время дня и ночи. Непрерывная травля приводила жертв в

[7] notes: 7

В корейской войне Соединенные Штаты выступали па стороне Корейской Республики, Китай же поддерживал КНДР. Таким образом, в ходе войны неоднократно случались столкновения между американскими и китайскими войсками.

растерянность и вызывала у них постоянную тревогу. Для усиления чувства вины заключенных заставляли писать и переписывать длинные автобиографические отчеты о собственных проступках, включая все больше интимных подробностей. После покаяния в собственных грехах их заставляли сознаться в грехах товарищей. Целью было создать внутри лагеря кошмарное общество, в котором каждый шпионил за другими и доносил на товарищей. На психологический стресс накладывались физические стрессы — недоедание, дискомфорт, болезни. Китайцы ловко использовали достигнутую таким образом повышенную внушаемость заключенных, скармливая этим аномально восприимчивым людям огромные порции прокоммунистической и антикапиталистической литературы. По официальным заявлениям, каждый седьмой американский заключенный оказался виновен в сотрудничестве с китайскими властями, каждый третий — в техническом пособничестве врагу.

Не нужно думать, будто подобное обращение коммунисты приберегли исключительно для врагов. Молодых сельхозработников, которые в первые годы нового режима должны были взять на себя роль коммунистических миссионеров и

организаторов в бесчисленных городках и деревнях Китая, заставляли пройти курс подготовки; в его ходе они подвергались более тяжелым испытаниям, чем любые военнопленные. В своей книге «Коммунистический Китай» Ричард Л. Уокер описывает методы, с помощью которых партийные лидеры превращали простых людей в исступленных фанатиков, необходимых для распространения коммунистических доктрин и претворения в жизнь своей политики. При подобной системе обучения «сырье» отправляют в специальные лагеря, где полностью изолируют от друзей, семьи и окружающего мира. В этих лагерях людей заставляли заниматься изнурительным физическим и умственным трудом. Они никогда не бывали одни и проводили все время в группах, вынуждены были следить друг за другом, а также писать самообличительные автобиографии. Они жили в паническом ожидании ужасной участи, к которой могут привести доносы на них и их собственные признания. В состоянии повышенной внушаемости люди проходили курс теоретического и прикладного марксизма — предмета, проваленный экзамен по которому мог означать что угодно: от позорного исключения до срока в трудовом лагере или даже

истребления. После полугода в таком лагере продолжительный психологический и физический стресс приводил к результатам, которых, зная об открытиях Павлова, следовало ожидать. Один за другим или целыми группами новобранцы ломались. Проявлялись симптомы невроза и истерии. Некоторые жертвы совершали самоубийства, у других (говорят, их число составляет целых 29 процентов) развивались серьезные психические заболевания. Те же, кто переживал этот жестокий процесс обращения, выходил из лагеря с новыми, неискоренимыми поведенческими моделями. Все их прошлое — друзья, семья, традиционные представления о нормах приличия и добродетели — было выдрано с корнем. Они становились новыми людьми, воссозданными по новому образу и подобию и всецело преданными служению своему новому богу.

В коммунистическом мире сотни центров ежегодно выпускают десятки тысяч этих вымуштрованных и преданных делу молодых людей. То, что иезуиты сделали для Римско-католической церкви в период контрреформации, эти люди, прошедшие более научно обоснованное и еще более жесткое обучение, делают сейчас и, несомненно, продолжат делать для коммунисти-

ческих партий Европы, Азии и Африки.

В политике Павлов, судя по всему, придерживался старомодных либеральных взглядов. Но по странной иронии судьбы именно его исследования и основанные на них теории породили огромную армию фанатиков, сердцем и душой, рефлексами и нервной системой преданных уничтожению старомодного либерализма всюду.

Промывка мозгов в том виде, в каком она практикуется сейчас, — это смешанная методика, эффективность которой основывается на систематическом насилии и умелых психологических манипуляциях. Она олицетворяет собой традиционные методы «1984», которые постепенно сменяются методами «О дивного нового мира». В будущем, при установленной и хорошо регулируемой диктатуре, современные методы полунасильственных манипуляций, несомненно, покажутся до смешного топорными. Обусловленным с младенчества, а возможно, и генетически, среднестатистическим представителям средних или низших каст никогда не понадобится курс обращения в веру или даже укрепления уже имеющейся веры. Представители высших каст должны уметь порождать новые идеи в ответ на изменение ситуации — следовательно, их

обучение будет менее жестким, чем обучение тех, чьей задачей станет не спрашивать о причинах, а делать свое дело и умирать, доставляя как можно меньше хлопот. Высшие касты, подвергшиеся лишь частичному обусловливанию, будут все же диким видом — учителями и опекунами для представителей полностью одомашненной породы. Из-за их дикости есть вероятность, что они обратятся к ереси или восстанут. Когда это произойдет, их придется либо ликвидировать, либо путем промывки мозгов вернуть на путь истинный, либо (как в Дивном Новом Мире) сослать на какой-нибудь остров, где доставлять неудобства они смогут только друг другу. Но от всеобщего обусловливания во младенчестве и других техник манипуляций и контроля нас все еще отделяют несколько грядущих поколений. На пути к Дивному Новому Миру нашим правителям придется положиться на временные, переходные способы промывки мозгов.

VIII. Химическое внушение

В Дивном Новом Мире не было ни виски, ни табака, ни нелегального героина, ни контрабандного кокаина. Никто не курил, не пил, не нюхал и не кололся. Когда человек чувствовал себя подавленным и разбитым, он глотал таблетку-другую химического вещества — сомы. Первоначальная сома, название которой я позаимствовал для своего гипотетического наркотика, была неизвестным растением, вероятно, принадлежащим к виду *Asclepias aeida*, которое арийские завоеватели Индии использовали в одном из своих самых торжественных религиозных обрядов. В ходе пышной церемонии жрецы и члены благородных сословий пили одурманивающий сок, извлеченный из стебля этого растения. В ведических гимнах говорится, что людям, пьющим сому, ниспосылается множество благословений. Тела их становятся крепче, сердца преисполняются отвагой, радостью и воодушевлением, разум просветляется, и, на мгновение познав вечную жизнь, человек обретает веру в собственное бессмертие. Но у этого священного сока были и недостатки.

Сома являлась опасным наркотиком — настолько опасным, что даже великий правитель небес Индра порой чувствовал из-за него недомогание. Простые смертные могли даже умереть от передозировки. Однако трансцендентное блаженство и чувство просветления, даримые сомой, были столь сильны, что право пить ее стало высшей привилегией. За нее люди готовы были заплатить любую цену.

Сома Дивного Нового Мира была лишена всех недостатков своего индийского прототипа. В маленьких дозах она дарила блаженство, в дозах побольше — вызывала видения, а приняв три таблетки, можно было на несколько минут погрузиться в восстанавливающий сон. И за все это не приходилось расплачиваться ни физическим, ни психологическим здоровьем. Жители Дивного Нового Мира могли отдохнуть от мрачных настроений и бытовых невзгод повседневной жизни, не жертвуя своим здоровьем и не нанося непоправимого урона своей работоспособности.

В Дивном Новом Мире потребление сомы считалось не грехом, которому предаются в одиночестве, а политическим институтом, самой сутью жизни, свободы и стремления к счастью, гарантированных людям Биллем о правах. Но

эта драгоценнейшая из привилегий, дарованных народу, являлась в то же время сильнейшим инструментом правления в арсенале диктатора. Систематическое одурманивание индивидов на благо государства и заодно, разумеется, ради их собственного удовольствия было главным положением в политической программе Мировых Контролеров. Ежедневное принятие сомы служило надежной защитой от социальной дезадаптации, общественного недовольства и распространения антиправительственных идей. Карл Маркс объявил, что религия — опиум народа. В Дивном Новом Мире получилось наоборот. Опиум, точнее, сома стала религией народа. Как и религия, этот наркотик утешал и возмещал потери, вызывал видения об ином, лучшем мире, дарил надежду, укреплял веру и взывал к милосердию. Как написал А.Э. Хаусман: «Пиво лучше, чем Мильтон, красит божеский закон».

И не будем забывать, что пиво по сравнению с сомой — жесточайший и совершенно ненадежный наркотик. В вопросах божеского закона сома сильнее алкоголя настолько, насколько алкоголь сильнее теологических изысканий Мильтона.

В 1931 году, когда я писал о фантастическом синтетическом наркотике, который сделал будущие

поколения счастливыми и послушными, известный американский биохимик, доктор Ирвин Пейдж собирался покинуть Германию, где провел три года, исследуя в институте кайзера Вильгельма химические процессы, происходящие в мозге. «Трудно понять, — писал доктор Пейдж в своей статье, — почему ученым потребовалось столько времени, чтобы начать изучать химические реакции, происходящие в их собственном мозге. Я говорю это, основываясь на личном опыте. Когда я вернулся домой в 1931 году, то не мог трудоустроиться в этой сфере (химии мозга) или вызвать к ней хотя бы малейший интерес».

Сегодня, двадцать семь лет спустя, интерес, отсутствовавший в 1931 году, обрушился на мир лавиной биохимических и психофармакологических исследований. Изучаются энзимы, регулирующие работу мозга. Удалось получить в чистом виде ранее неизвестные вещества, образующиеся в нашем теле, такие как адренохром и серотонин (в открытии которого участвовал доктор Пейдж), и сейчас анализируются долгосрочные эффекты их воздействия на психические и физические функции человеческого организма. Синтезируются новые препараты, которые могут усилить, скорректировать или купировать

действие различных химических веществ. С их помощью нервная система ежедневно и ежечасно творит чудеса, контролируя тело и порождая и регулируя сознание. С нашей точки зрения, наиболее интересны эти новые препараты тем, что временно изменяют химические процессы в мозге и соответствующее состояние сознания, не нанося непоправимого вреда организму. В этом отношении они похожи на сому и принципиально отличаются от наркотиков, использовавшихся в прошлом для изменения сознания. Опиум, к примеру, классический транквилизатор. Но он — опасный наркотик, который вызывал у людей зависимость и разрушал их тела. То же можно сказать и о классическом эйфорическом наркотике, алкоголе — веществе, по словам Давида, «веселящем сердце человека»[8]. Но к сожалению, алкоголь не только веселит сердце человека. В избыточных дозах он вызывает плохое самочувствие, привыкание и является в последние восемь или десять тысяч лет главной причиной преступлений, семейного горя, моральной деградации и несчастных случаев.

К классическим стимуляторам относятся чай,

---

[8] notes: 8
Псалом 103:15

кофе и мате, которые практически безвредны. Но их воздействие очень слабо. В отличие от этих «чаш, которые пьянят, но не опьяняют»[9], кокаин — сильный и опасный наркотик. Те, кто его употребляют, вынуждены расплачиваться за состояние экстаза и кажущееся всесилие тела и мозга мучительными приступами депрессии, жуткими физическими симптомами, как, например, ощущение, будто под кожей ползают насекомые, и параноидальными иллюзиями, которые могут привести к насилию и преступлениям. Другой стимулятор, разработанный сравнительно недавно, — амфетамин, больше известный как бензедрин. Амфетамин действует очень эффективно, но при неправильном употреблении за это расплачиваются психическим и физическим здоровьем. По последним данным, в Японии насчитывается около миллиона людей, находящихся в зависимости отданного наркотика.

Из классических галлюциногенов наиболее известны мексиканский пейот и *Cannabis sativa* (конопля посевная), выращиваемая на юго-западе Соединенных Штатов и потребляемая но

---

[9] notes: 9
Английский поэт Уильям Купер о чае

всем мире. Еще ее называют гашишем, бангом, кифом и марихуаной. Согласно медицинским и антропологическим исследованиям, пейот безвреднее виски и джина — наркотиков белых людей. Он помогает индейцам, использующим его в религиозных обрядах, обрести блаженство, почувствовать единение со своим возлюбленным народом, а расплачиваться за это приходится лишь необходимостью жевать отвратительное на вкус растение да парой часов тошноты. Конопля безобиднее, хотя и она не так опасна, как утверждают врачи. Специальный Медицинский комитет, созданный в 1944 году мэром Ныо-Йорка для исследования марихуаны, пришел к выводу, что конопля не является серьезной угрозой для общества или даже для тех, кто ее употребляет.

Теперь перейдем от классических наркотиков к новейшим продуктам фармакологических исследований. Наиболее широко разрекламированы три новых транквилизатора: резерпин, хлорпромазин и мепробамат. Первые два оказались весьма эффективны при лечении некоторых видов психоза. Они не устраняют заболевания, но, по крайней мере на время, снимают его самые тяжелые симптомы. Мепробамат, также известный как мепротан, оказывает похожее воз-

действие на различные формы неврозов. Ни один из этих препаратов нельзя назвать абсолютно безвредным, но стоят они недорого. В мире, где нет ничего бесплатного, эти транквилизаторы предлагают очень многое за весьма скромную плату. Мепротан и хлорпромазин — это еще не сома, но они уже близки по своему действию к одному из аспектов моего мифического наркотика. Они приносят временное избавление от нервного напряжения, в большинстве случаев не вредят организму и лишь слегка снижают эффективность рабочей, интеллектуальной и психической деятельности индивида. В качестве наркотиков их, вероятно, стоит предпочесть барбитуратам, которые притупляют разум, а в крупных дозах могут вызвать нежелательные психофизические симптомы, а в итоге — полную зависимость.

В ЛСД-25 (диэтиламид лизергиновой кислоты) фармацевты недавно воссоздали еще один аспект сомы — практически безвредное с точки зрения физиологии вещество, искажающее восприятие и порождающее видения. Этот наркотик эффективен даже в таких малых дозах, как пятьдесят или двадцать пять миллионных грамма, и, подобно пейоту, обладает способностью переносить людей в другой мир. В большинстве

случаев иной мир, путь в который открывает ЛСД-25, оказывается раем, хотя иногда больше похож на чистилище или даже ад. Но практически все, кто употреблял лизергиновую кислоту, рассматривают этот опыт — положительный или отрицательный — как имеющий глубокое значение и весьма познавательный. В любом случае тот факт, что сознание можно изменить так радикально и за столь малую цену, поражает уже сам по себе.

В нашем мире это, конечно, невозможно, но сома не только галлюциноген и транквилизатор, а физический и психологический стимулятор, порождающий эйфорию и облегчение, наступающие вслед за освобождением от беспокойства и напряжения.

Идеальный стимулятор — мощный, но безвредный — еще только предстоит открыть. Амфетамин, как мы убедились, давал неудовлетворительные результаты: предлагал слишком малое за слишком высокую плату. Более перспективным кандидатом на роль сомы в этом, третьем аспекте можно назвать ипрониазид. Сейчас его используют для борьбы с депрессией и апатией и для повышения уровня психической энергии человека. Мой знакомый фармацевт утверждает,

что еще более многообещающим является новое вещество, находящееся на стадии разработки и известное как деанер. Деанер — это аминоспирт. Считается, что он повышает выработку ацетилхолина в организме и, таким образом, повышает активность и эффективность нервной системы. Человек, принявший это новое лекарство, нуждается в меньшем количестве сна, чувствует себя бодрее и веселее, быстрее и лучше соображает — и не должен расплачиваться за это своим здоровьем, по крайней мере в непосредственном будущем. Кажется, это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Итак, мы видим, что хотя сома пока не существует и, вероятно, никогда не будет существовать, уже найдены весьма достойные ей замены. Это незатратные с точки зрения физиологии транквилизаторы, галлюциногены и стимуляторы.

Очевидно, что диктатор мог бы использовать данные препараты в политических целях. Он мог бы уберечь себя от народного недовольства, влияя на химические процессы в голове людей таким образом, чтобы они не возмущались своим рабским положением. Он мог бы использовать транквилизаторы для их успокоения, стимуляторы — для пробуждения энтузиазма

в раннодушных, галлюциногены — для отвлечения внимания страдающих от несчастий. Но как, спросите вы, предложить людям принять лекарства, которые заставят их думать и вести себя так, как угодно диктатору? Наверное, для этого нужно будет просто обеспечить доступ к данным лекарствам. Сейчас нам доступны алкоголь и табак, и люди готовы потратить на эти средства, вызывающие слабую эйфорию, на псевдостимуляторы и успокоительные больше денег, чем на обучение собственных детей. Например, в Соединенных Штатах барбитураты и транквилизаторы можно приобрести по рецепту врача. Но в американском обществе так велик спрос на препараты, которые сделают жизнь более приемлемой, что доктора выписывают рецепты на всевозможные транквилизаторы в количестве сорок восемь миллионов в год. А большинство этих рецептов выписываются повторно. Если ста доз счастья недостаточно, сходите в аптеку за новым пузырьком, а когда и он закончится — еще за одним. Если бы транквилизаторы можно было приобрести так же легко и дешево, как аспирин, их бы потребляли не миллиарды людей, как сейчас, но десятки и сотни миллиардов. А хорошие дешевые стимуляторы пользовались бы почти

такой же популярностью.

При диктатуре фармацевтам будет дано «указание чутко реагировать на любую смену обстоятельств. В период упадка их задачей станет максимально повысить продажу стимуляторов. Между кризисами излишняя внимательность и активность народа может поставить тирана в неловкое положение. В это время людям будут активно предлагать транквилизаторы и галлюциногены. И он может быть уверен, что под влиянием успокаивающих снадобий подданные не доставят ему беспокойств.

В современном мире под воздействием транквилизаторов люди не доставляют хлопот и беспокойств не только своим правителям, но и самим себе. Излишнее напряжение — это болезнь. Но болезнью можно считать и излишнюю расслабленность. Возникают ситуации, когда мы должны быть напряжены, а спокойствие, достигнутое с помощью химических средств, недопустимо.

Недавно я принимал участие в симпозиуме, посвященном мепробамату, и один известный биохимик в шутку предложил подарить советскому народу пятьдесят миллиардов доз этого самого популярного транквилизатора. В шутке

был и серьезный аспект. Когда состязаются два народа, один из которых постоянно стимулируется угрозами, обещаниями и целенаправленной пропагандой, а второму с тем же упорством предоставляются телевизионные развлечения и умиротворение мепротаном, кто из противников одержит верх?

Наряду с успокаивающим, галлюциногенным и стимулирующим воздействием моя сома обладала способностью повышать внушаемость и потому могла использоваться для усиления эффекта правительственной пропаганды. С меньшей эффективностью и большими затратами для здоровья некоторые препараты уже сейчас можно использовать с этой целью. Например, существует скополамин, оказывающий воздействие, сходное с беленой, а в крупных дозах являющийся мощным ядом. Есть пентотал и натрий-амитал. Пентотал, по непонятным причинам называемый «сывороткой правды», использовался полицией разных стран для получения признания от неразговорчивых преступников, а иногда и с целью подсказать им это признание. Пентотал и натрий-амитал снижают барьер между сознательным и бессознательным и имеют огромную ценность при лечении боевого

посттравматического синдрома в медицинском курсе, известном в Англии как абреакционная терапия, а в Америке — как наркосинтез. Говорят, что коммунисты иногда применяют эти препараты, подготавливая заключенных к даче показаний в суде.

Фармакология, биохимия и неврология быстро продвигаются вперед, и мы можем быть уверены, что в ближайшие несколько лет ученые разработают новые, более эффективные химические средства для повышения внушаемости и понижения психологической сопротивляемости. Как и любые открытия, их можно будет употребить во благо или во зло. Они помогут психиатру победить болезнь, а диктатору — уничтожить свободу. Они будут одновременно порабощать и освобождать, излечивать и в то же время уничтожать.

IX. Подсознательное внушение

В примечании к «Толкованию сновидений», добавленном в издании 1919 года, Зигмунд Фрейд обратил внимание читателей на недавно опубликованную статью австрийского невропатолога доктора Петцля, в которой тот описал свои опыты с тахистоскопом. Это инструмент, представляющий собой либо специальную коробку, внутри которой испытуемый видит изображение, появляющееся на мгновение, либо проектор с очень маленькой выдержкой. В ходе этих экспериментов Петцль просил испытуемых зарисовать то, что они увидели на изображении, транслируемом через тахистоскоп. Затем он переключал внимание на сны, которые снились испытуемым на следующую ночь, и просил их зарисовать эти сны.

Эксперимент доказал, что те части картинки из тахистоскопа, которые не были сознательно замечены испытуемым, использовались подсознанием для построения сна.

Эксперименты Петцля неоднократно повторялись с разнообразными модификациями и дополнениями. Наиболее поздние из них бы-

ли поставлены доктором Чарлзом Фишером, который написал три статьи на тему снов и подсознательного восприятия для журнала Американской психоаналитической ассоциации. Тем временем психологи тоже не сидели сложа руки. Подтвердив открытия Петцля, их исследования показали, что в действительности люди видят и слышат больше, чем им кажется. Многое они замечают неосознанно, оно откладывается в подсознании и влияет на их мысли, чувства и поведение.

Чистая наука не может оставаться таковой бесконечно. Рано или поздно она обязательно превратится в прикладную науку и наконец в технологию. Теория переходит в промышленную практику, знание становится силой, формулы и лабораторные опыты порой воплощаются в водородную бомбу. В нашем случае прелестный образчик чистой науки, созданный Петцлем, а также прочие абстрактные научные изыскания в области подсознательного восприятия удивительно долго сохраняли свою безупречную чистоту. А потом, осенью 1957 года, ровно через сорок лет после первой публикации Петцля, было объявлено, что их чистота осталась в прошлом. Они стали прикладной наукой, шагнув в царство

технологий. Это заявление вызвало заметную реакцию, о нем много говорили и писали. Неудивительно, ведь новая техника, так называемая подсознательная проекция, была тесно связана с индустрией развлечений, а в жизни цивилизованных людей индустрия развлечений играет роль, сопоставимую с той, которую в Средние века играла религия. У нашей эпохи много названий — «век беспокойства», «атомный век», «космическая эра». С неменьшими основаниями ее можно назвать и «эрой телевизионной зависимости», «эрой мыльных опер», «эрой диск-жокеев». В такую эпоху заявление, что чистая наука Петцля нашла свое применение в виде техники подсознательного проецирования, неизбежно возбудило острейший интерес потребителей в индустрии развлечений. Новая техника была направлена именно на них, и ее целью являлось незаметно манипулировать их сознанием. С помощью специально разработанных тахистоскопов слова и изображения на тысячные доли секунды возникали бы на экранах телевизоров и кинотеатров во время передачи или фильма. Слоганы «Пейте кока-колу» или «Закури “Кэмел”» накладывались бы на объятия любовников и на слезы матери с разбитым сердцем, а оптические нервы зрителей

записывали бы эти тайные послания. Подсознание отвечало бы на них, и зрители ощущали бы непреодолимое желание купить банку кока-колы и пачку сигарет. Другие тайные послания тем временем не воспринимались бы сознательно, потому что их нашептывают или громко кричат. Сознательно слушатель сосредоточивал бы внимание на каком-нибудь «Я люблю тебя, милая», однако подсознательно его необычайно чувствительные уши впитывали бы новейшие радостные сообщения о дезодорантах и слабительных.

Правда ли, что подобная коммерческая пропаганда может быть эффективной? Результаты, которых добилась коммерческая фирма, первой применившая технику подсознательной проекции, оказались невнятными и с научной точки зрения совершенно неудовлетворительными. Они показали, что после того, как в кинотеатре через равные промежутки времени повторялся призыв купить еще попкорна, в перерыве его продажа увеличилась на пятьдесят процентов. Но один-единственный эксперимент почти ничего не доказывает. К тому же данный конкретный эксперимент был плохо организован. Никто не контролировал его проведение, и не предпринимались попытки учесть множество факторов,

которые, несомненно, влияют на потребление попкорна посетителями кинотеатров. Да и в любом случае, неужели это самый эффективный способ применить знания, накопленные в результате многолетних научных изысканий в области подсознательного восприятия? Неужели предполагалось, что, мельком показав на экране название товара и призыв купить его, можно будет привлечь новых покупателей? Очевидно, что ответ на эти вопросы отрицательный. Но это, разумеется, не означает, что новые открытия неврологов и психологов не имеют практической ценности. Если умело применить такую заманчивую научную теорию Петцля, она станет мощным инструментом управления доверчивыми умами.

Представление об этом мы можем получить, если оставим продавцов попкорна и обратимся к тем, кто с меньшим шумом, но большей изобретательностью и более успешными методами экспериментирует в данной области. В Британии, где процесс управления разумом на подсознательном уровне называется стробоскопическим внедрением, исследователи подчеркивают практическую важность создания правильных психологических условий для успешного подсознательного внушения. Установка, рассчитанная

на осознанное восприятие, вероятнее будет усвоена, если человек находится в гипнотическом трансе, под воздействием определенных наркотиков, ослаблен болезнью, голодом или любым физическим и эмоциональным стрессом. Но то, что верно для установок, рассчитанных на сознательное восприятие, верно и для тех, что рассчитаны на восприятие подсознательное. То есть чем ниже уровень психологической сопротивляемости человека, тем лучше будут приниматься стробоскопические установки. Научно подкованный диктатор будущего установит шепчущие трансляторы в школах и больницах, поскольку дети и больные имеют высокую степень внушаемости, и в общественных местах, где внушаемость публики можно заранее повысить специальными речами и действиями.

От условий, в которых мы можем ожидать успешного подсознательного внушения, перейдем к самим установкам. Какими словами должен пропагандист обращаться к подсознанию своих жертв? Прямые указания («Покупайте попкорн» или «Голосуйте за Джонса») и однозначные утверждения («Социализм воняет» или «Зубная паста марки устраняет запах изо рта»), очевидно, станут воздействовать только на те умы, кото-

рые уже неравнодушны к Джонсу и поп-корну, уже остро чувствуют опасность, исходящую от телесных запахов и национализации средств производства. Но недостаточно укрепить уже существующую веру. Пропагандист, если он не зря получает жалованье, должен выдумать новую идею, уметь переманить на свою сторону равнодушных и нерешительных и умиротворить, а возможно, даже обратить в свою веру тех, кто настроен враждебно. Он знает, что к подсознательным оценкам и командам важно добавить подсознательное убеждение.

На сознательном уровне один из самых действенных методов нерационального убеждения — ассоциативное убеждение. Пропагандист произвольно создает ассоциативную связь между нужным товаром, кандидатом или идеологией и некоей идеей, образом человека или предмета, которые большинство людей в данной культуре считают неоспоримым благом. Таким образом, в рекламной кампании женская красота может быть произвольно связана с чем угодно — от бульдозера до мочегонного препарата, в политической кампании патриотизм можно проассоциировать с любой идеологией — от апартеида до интеграции, и с любым человеком

— от Махатмы Ганди до сенатора Маккарти.

Много лет назад в Центральной Америке я наблюдал за примером ассоциативного убеждения, которое переполнило меня ужасом и одновременно заставило восхищаться людьми, разработавшими эту технику. Единственные произведения искусства, которые завозят в горные районы Гватемалы, — разноцветные календари. Они бесплатно распространяются иностранными компаниями, продающими свою продукцию индейцам. На американских календарях были изображены собаки, пейзажи и молодые полуобнаженные женщины. Но для индейца собаки — просто утварь, пейзажами он может любоваться каждый день, а полуголые блондинки кажутся ему неинтересными и даже немного отталкивающими. В результате американские календари там менее популярны, чем немецкие, потому что немецкие специалисты по рекламе потрудились выяснить, что индейцы ценят и что им интересно.

Я хорошо запомнил один шедевр коммерческой пропаганды. Этот календарь выпустили производители аспирина. В нижней его части размещался знакомый всем пузырек с белыми таблетками известной торговой марки, а в

верхней части не было ни снежных пейзажей, ни осенних лесов, ни кокер-спаниелей, ни грудастых хористок. Нет, хитрые немцы связали образ обезболивающего с ярким и удивительно реалистичным изображением Святой Троицы, сидящей на пушистом облаке в окружении святого Иосифа, Девы Марии, святых и ангелов. Таким образом, в примитивном и глубоко религиозном восприятии индейцев чудодейственные свойства ацетилсалициловой кислоты гарантировались святыми и всем воинством небесным.

Судя по всему, техники подсознательного проецирования хорошо сочетаются с подобным ассоциативным убеждением. В ходе экспериментов, проведенных в Нью-Йоркском университете под эгидой Национального института здравоохранения, выяснилось, что чувства, которые вызывает у человека некое сознательно увиденное изображение, можно изменить, на подсознательном уровне связав его с другим образом или, еще лучше, с оценочным суждением. Так, лицо с нейтральным выражением, если на подсознательном уровне сделать привязку к слову «счастье», будет казаться наблюдателю улыбающимся, дружелюбным, доброжелательным и открытым. Если на подсознательном

уровне связать то же лицо со словом «злость», оно приобретет угрожающее выражение, покажется наблюдателю враждебным и неприятным. Группе молодых женщин оно также начинало казаться очень мужественным, в то время как лицо, связанное со словом «счастье», представлялось им лицом представительницы их пола. (Отцы и мужья, возьмите на заметку.) Для коммерческих и политических пропагандистов эти открытия, очевидно, имеют огромное значение. Если они приведут своих жертв в состояние неестественно повышенной внушаемости, покажут им в этом состоянии свой товар — предмет, личность или символ определенной идеологии — и на подсознательном уровне свяжут данный с неким значимым словом или образом, то смогут изменить их чувства и мнения так, что люди не заметят.

Одна коммерческая группа в Новом Орлеане заявляла, что, используя данную методику, можно увеличить ценность фильмов и телепередач как средств массового развлечения. Людям нравится испытывать сильные эмоции, поэтому они любят трагедии, триллеры, детективы и любовные истории. Драматизация драки или объятий вызывает у зрителей бурные эмоции. Еще более

острые эмоции эти сцены могут вызвать, если на подсознательном уровне связать их с правильными словами или символами. Например в экранизации романа «Прощай, оружие!» смерть героини при родах производила бы еще более душераздирающее впечатление, если бы во время этой сцены на экране вспыхивали неразличимые на сознательном уровне страшные слова «боль», «кровь» и «смерть». Их нельзя было бы воспринять осознанно, но воздействие на подсознание, вероятно, было бы очень сильно и эти эффекты существенно усилили бы эмоции, которые на сознательном уровне вызывались игрой актеров и текстом сценария. Если с помощью подсознательной проекции можно целенаправленно заставлять посетителей кинотеатров испытывать более сильные эмоции, то киноиндустрия пока далека от банкротства. Если, конечно, телепродюсеры не доберутся до данной методики первыми.

А теперь, исходя из всего сказанного об ассоциативном убеждении и обострении эмоций методом подсознательного внушения, давайте попробуем вообразить, что будет представлять собой политический митинг завтрашнего дня. Кандидат или представитель правящей пар-

тии произносит речь. Параллельно эффект его слов усиливается при помощи тахистоскопов, шепчущих и пищащих устройств и проекторов, демонстрирующих изображения, слишком тусклые для сознательного восприятия. Это стробоскопическое внушение будет систематически ассоциировать кандидата и его идеологию с позитивными символами и связывать упоминания о врагах государства или партии с негативно окрашенными словами и отталкивающими символами. В Соединенных Штатах на трибуну будут проецироваться неуловимые для человеческого глаза изображения Авраама Линкольна и слова «народное правительство». В СССР оратор, естественно, станет ассоциироваться с едва заметными изображениями Ленина, со словами «народная демократия», с бородой Карла Маркса. Пока данные методики скрыты в будущем, и мы можем позволить себе улыбнуться. Через десять — двадцать лет эта картина покажется нам менее забавной. То, что сейчас считается научной фантастикой, станет частью повседневной политической жизни.

Методы Петцля — одно из дурных знамений, которые я почему-то упустил из виду, когда писал «О дивный новый мир». В моей истории

нет никаких упоминаний о подсознательном проецировании. Если бы сегодня я решил переписать свою книгу, то непременно исправил бы это упущение.

X. Гипнопедия

Осенью 1957 года в исправительном учреждении «Вудленд-роуд» в округе Тулар, штат Калифорния, был проведен любопытный и необычный эксперимент. Под подушки заключенных, согласившихся участвовать в нем, ученые поместили миниатюрные проигрыватели. Каждый проигрыватель был подключен к фонографу, установленному в кабинете начальника тюрьмы. Всю ночь тихий голос ежечасно повторял краткие проповеди о принципах нравственной жизни. Заключенный слышал этот спокойный голос, превозносящий моральные ценности или имитирующий разговор заключенного с самим собой: «С Божьей помощью меня переполняют любовь и сострадание ко всему сущему».

Прочитав о «Вудленд-роуд», я обратился ко второй главе «О дивного нового мира». В ней директор инкубатория и воспитательного центра Западной Европы объясняет группе молодых воспитателей и оплодотворителей, как работает управляемая государством система этического образования, известная жителям седьмого века «эры Форда» как гипнопедия. Первые попыт-

ки применить обучение во сне, рассказывал директор слушателям, оказались неудачными из-за неправильного подхода. Преподаватели пытались использовать сон, чтобы дать обучаемым научные знания. Но интеллектуальная деятельность несовместима со сном. Гипнопедия обрела успех, когда ее начали использовать для нравственного воспитания — иными словами, для обусловливания и выработки желательного поведения через вербальное внушение при сниженной психологической сопротивляемости.

В своей книге я писал: «Бессловесное внедрение рефлексов действует грубо, огульно; с его помощью нельзя сформировать более тонкие и сложные шаблоны поведения. Для этой цели требуются слова, но вдумывания не нужно». То есть важны слова, для понимания которых не требуется анализа, поскольку они воспринимаются спящим мозгом как единое целое. Гипнопедия — величайшая нравоучительная сила, готовящая к жизни в обществе.

В Дивном Новом Мире граждане низших каст никогда не доставляют проблем. Почему? Едва научившись говорить и понимать слова, ребенок из низшей касты каждую ночь, в часы сна и дремоты выслушивает бесконечно повторяемые

установки: «Словно падает жидкий сургуч, и капли налипают, обволакивают и пропитывают, покуда бывший камень весь не обратится в аловосковой комок. Пока наконец все сознание ребенка не заполнится тем, что внушил голос, и то, что внушено, не станет в сумме своей сознанием ребенка. И не только ребенка. А и взрослого — на всю жизнь. Мозг рассуждающий, желающий, решающий — все насквозь будет состоять из того, что внушено. Внушено нами! Внушено государством!..»

На сегодняшний день, насколько мне известно, гипнопедическое внушение проводится лишь такими безобидными организациями, как администрация тюрьмы в округе Тулар, да и по содержанию это внушение не вызывает нареканий. Ах, если бы можно было всех нас, а не только заключенных «Вудленд-роуд», переполнить во сне любовью и сочувствием ко всему сущему! Нет, возражения вызывает не этот воодушевленный шепот, а сама идея обучения во сне, проводимого государственными учреждениями. Следует ли позволять чиновникам, которым демократическое общество делегировало полномочия, использовать такой инструмент, как гипнопедия, по своему усмотрению? В приведенном примере

они используют его только на добровольцах и с благими намерениями. Но нет гарантии, что в других случаях намерения останутся благими, а участие — добровольным.

Любой закон или общественный порядок, который может ввести чиновников во искушение, плох. Любой закон или порядок, удерживающий их от искушения злоупотребить переданными им полномочиями для собственной выгоды на благо государства или какой-либо политической, экономической или религиозной организации, — хороший закон. Гипнопедия, если применять ее эффективно, станет необычайно мощным инструментом в руках любого человека, наделенного полномочиями внушать установки своим порабощенным слушателям. Демократическое общество строится на предпосылке, что властью нередко злоупотребляют, и потому она может быть доверена чиновникам лишь в ограниченном объеме и на ограниченный период времени. В подобном обществе использование гипнопедии должно регулироваться законом — в том случае, конечно, если она станет инструментом управления. Но действительно ли это инструмент управления? Сработает ли она так хорошо, как, по моим представлениям, работает в седьмом

веке «эры Форда»? Давайте изучим данные.

В 1955 году в июльском выпуске журнала «Психологический бюллетень» Чарлз Саймон и Уильям Эммонс проанализировали и оценили десять наиболее значимых исследований в этой сфере. Помогает ли гипнопедия при зазубривании какой-либо информации? И какую часть того, что ему нашептывали во сне, человек запоминает, проснувшись? Саймон и Эммонс отвечают на эти вопросы следующим образом: «Были рассмотрены десять исследований, посвященных гипнопедии. Многие цитировались коммерческими фирмами или приводились в популярных журналах и статьях как доказательства возможности обучения во сне. Был проведен критический анализ порядка проведения экспериментов в этих исследованиях, статистики, методологии и критериев сна. Все исследования имеют недостатки по одному или нескольким из вышеперечисленных аспектов. Эти исследования не выявляют неоспоримых доказательств того, что обучение во сне действительно происходит. Но, судя по всему, часть обучения происходит в особом состоянии бодрствования, при котором в дальнейшем испытуемый не может вспомнить, спал ли он в тот момент. Это может иметь огром-

ную практическую ценность с точки зрения экономии времени, затраченного на обучение, но не должно считаться обучением во сне. Особые сложности в данном вопросе вызывает нечеткое определение понятия сна».

Однако факт остается фактом: в американской армии во время Второй мировой войны (и даже во время Первой мировой — тогда в порядке эксперимента) дневное обучение азбуке Морзе и иностранным языкам сопровождалось инструктажем во сне, и, очевидно, это приносило результаты. После Второй мировой войны несколько коммерческих фирм в Соединенных Штатах и других странах продавали множество подушек с проигрывателями, фонографов с часовым механизмом и пишущих магнитофонов — и все это оборудование использовали актеры, которым нужно было срочно выучить роль, политики и проповедники, желающие создать иллюзию спонтанного красноречия, студенты, готовящиеся к экзаменам, и, наконец, обыватели, которые недовольны собой и хотели бы при помощи внушения или самовнушения стать кем-то иным.

Самовнушение легко записать на магнитную ленту и ежедневно снова и снова прослушивать во сне. Внушение извне продается в виде

записей с разнообразными позитивными установками. В продаже есть аудиокурсы для снятия напряжения, укрепляющие уверенность в себе, усиливающие очарование и повышающие привлекательность. Особой популярностью пользуются аудиокурсы для достижения сексуальной гармонии и курсы для тех, кто мечтает похудеть. («Я не люблю шоколад, безразличен к жареному картофелю, проявляю стойкое равнодушие к пирожным».) Существуют аудиокурсы, укрепляющие здоровье, и даже курсы для тех, кто хочет больше зарабатывать. Примечательно то, что, согласно свидетельствам, которые добровольно присылают покупатели этих записей, многие люди, прослушав подобные гипнопедические внушения, действительно начинают зарабатывать больше, многие дамы, страдающие ожирением, на самом деле теряют вес, а супружеские пары на грани развода достигают сексуальной гармонии и живут долго и счастливо.

В данном контексте наиболее интересна статья Теодора Барбера «Сон и гипноз», впервые напечатанная в «Журнале медицинского и экспериментального гипноза» в октябре 1956 года. Барбер указывает на значительную разницу

между легким и глубоким сном. В фазе легкого сна электроэнцефалограф фиксирует в мозге альфа-волны, которых не наблюдается в мозге человека, погруженного в глубокий сон. В этом отношении легкий сон ближе к состоянию бодрствования и гипнотического транса (в обоих состояниях наблюдаются альфа-волны), чем к глубокому сну. Громкий шум заставит человека в состоянии глубокого сна проснуться. Менее резкие раздражители его не разбудят, но вызовут появление альфа-волн, и глубокий сон временно перейдет в легкий.

Человек в глубоком сне устойчив к внушению. А вот испытуемые в состоянии легкого сна, согласно данным Барбера, отвечают на внушение так же, как реагируют на него в состоянии гипнотического транса.

Предшественники Барбера, изучавшие гипноз, проводили аналогичные эксперименты. Милн Брэмуэлл в своей книге «История, практика и теория гипноза», впервые опубликованной в 1903 году и ставшей классикой в своей области, отмечает: «Многие знатоки заявляют, что они смогли перевести естественный сон в гипнотический. Веттерстрэнд утверждает, что зачастую очень легко настроиться на одну волну со спящим

человеком, особенно с ребенком. Веттерстрэнд расценивает свой метод введения в гипноз как очень ценный с практической точки зрения и утверждает, что сам неоднократно и успешно его использовал». В том же ключе Брэмуэлл цитирует и многих других опытных гипнотизеров, включая таких выдающихся специалистов, как Берн-гейм, Молл и Форел. Сегодня экспериментатор не стал бы говорить о переходе естественного сна в гипнотический. Он готов сказать только, что легкий сон в отличие от глубокого сна без альфа-волн — состояние, в котором многие объекты воспримут внушение столь же легко, как если бы они находились под гипнозом. Например, многие испытуемые, которым в состоянии легкого сна внушили, что они проснутся, мучимые жаждой, действительно пробуждались с пересохшим горлом и отчаянным желанием выпить воды. Вероятно, кора головного мозга в этот момент недостаточно активна, чтобы мыслить четко, но готова для восприятия внушения и передачи его дальше нервной системе.

Как мы уже отмечали, известный шведский врач и ученый-экспериментатор Веттерстрэнд добился успеха в гипнотическом лечении спящих детей. В наши дни методами Веттерстрэнда

пользуются педиатры, которые обучают молодых матерей искусству давать детям полезные установки в часы легкого сна. При помощи подобной гипнопедии детей можно отучить от энуреза и грызения ногтей, настроить на позитивное отношение к предстоящей операции, помочь им обрести спокойствие и уверенность, когда того требуют тяжелые жизненные обстоятельства. Я лично видел замечательные результаты, которые дает терапевтическое лечение во сне, применяемое на маленьких детях. Сопоставимых результатов, возможно, удастся добиться и со многими взрослыми.

Для будущего диктатора мораль вышесказанного такова: в определенных условиях гипнопедия действительно работает, и, похоже, не хуже, чем гипноз. С человеком в состоянии легкого сна можно проделать большую часть того, что возможно под гипнозом. Через спящую кору головного мозга вербальное внушение передается в средний мозг, стволовую часть мозга и нервную систему. Если это внушение хорошо продумано и часто повторяется, можно улучшить или нарушить работу определенных функций организма спящего, встроить новые модели чувствования или изменить старые, давать постгипнотические

команды, внедрять слоганы, формулы и ключевые слова, которые прочно осядут в памяти. Дети лучше поддаются гипнозу, чем взрослые, и будущий диктатор сполна воспользуется этим. Дошкольники будут подвергаться сеансам гипнопедического внушения во время послеобеденного сна. Для детей постарше, особенно для детей членов партии, которые вырастут в руководителей и администраторов, создадут школы-пансионы, в которых отличное дневное образование будет сопровождаться обучением во сне. В случае со взрослыми особое внимание будет уделяться больным. Как много лет назад продемонстрировал Павлов, упорные собаки с сильной волей становились полностью внушаемыми после операции или во время тяжелой болезни. Наш диктатор позаботится о том, чтобы проигрыватели были установлены во всех отделениях больниц. Удаление аппендикса, роды, воспаление легких или гепатит — все это станет удачным поводом для прохождения интенсивного курса преданности и истинной веры, возможностью освежить в памяти принципы идеологии. Также целевые группы можно будет найти в тюрьмах, трудовых лагерях, военных бараках, на кораблях в плавании, в ночных поездах и самолетах, в

унылых залах ожидания автобусных и железнодорожных вокзалов. Даже если эффективность гипнопедического внушения в этих группах не превысит десяти процентов, такой результат все равно будет весьма впечатляющим и желательным для диктатора.

Теперь давайте перейдем от повышенной внушаемости, связанной с легким сном и гипнозом, к нормальной внушаемости бодрствующих — или тех, кто по крайней мере думает, что бодрствует. Буддисты утверждают, что все мы постоянно находимся в состоянии полусна и идем по жизни как сомнамбулы, подчиняясь чьему-то внушению. Просветление — это полное пробуждение от сна. Слово «Будда» можно перевести как «Пробудившийся».

Генетически каждый человек уникален и отличается от других по многим параметрам. Спектр индивидуальных отклонений от статистических норм необычайно широк. А статистические нормы полезны только для судебной и страховой статистики и не имеют ценности в реальной жизни. Не существует так называемого среднего человека. Есть конкретные мужчины, женщины и дети, каждый обладает врожденными физическими и психологическими особенностями,

и все они пытаются, иногда по принуждению, втиснуть свои биологические различия в рамки некой единообразной

культурной формы.

Внушаемость — одно из тех качеств, которые существенно разнятся от индивида к индивиду. Окружающая среда играет определенную роль в том, что одни люди легче других поддаются внушению, но несомненно также, что имеются органические различия, влияющие на внушаемость индивидов. Крайняя сопротивляемость встречается редко. И это к лучшему. Ведь если бы все были так же устойчивы к внушению, как некоторые из нас, социальная жизнь была бы невозможна. Общества могут функционировать достаточно эффективно именно потому, что в той или иной степени люди внушаемы. Крайняя внушаемость встречается, вероятно, не чаще, чем крайняя устойчивость к внушению. И это тоже к лучшему. Если бы большинство людей были очень восприимчивы к стороннему внушению, свободный разумный выбор стал бы просто невозможен для множества избирателей и демократические институты не выжили бы — или даже не появились бы.

Несколько лет назад в Центральной больнице

штата Массачусетс группа исследователей провела весьма познавательный эксперимент, направленный на изучение обезболивающих свойств плацебо. Плацебо — любой препарат, который пациент считает настоящим лекарством, но в действительности не содержит лекарственного вещества. В этом эксперименте испытуемыми являлись сто шестьдесят два пациента, которым только что сделали хирургическую операцию, и они испытывали острую боль. Каждый раз, когда пациенты просили обезболивающее, им делали инъекцию либо морфия, либо дистиллированной воды. Все пациенты получали и инъекции морфия, и плацебо. Примерно тридцати процентам пациентов плацебо не приносило облегчения. А четырнадцать процентов испытывали облегчение после каждой инъекции дистиллированной воды. Оставшиеся пятьдесят пять процентов после некоторых инъекций плацебо испытывали облегчение, после других — нет.

По каким же параметрам люди, легко поддающиеся внушению, отличались от тех, кто ему не поддается? Тесты и исследования показали, что ни возраст, ни пол не являлись определяющими факторами. Мужчины выдавали реакцию на плацебо не реже, чем женщины, молодежь — не

реже, чем старики. Уровень интеллекта, определяемый стандартными тестами, тоже, судя по всему, не имел решающего значения. Средний уровень интеллекта у обеих групп был примерно одинаковым. Принципиальное различие между двумя группами заключалось прежде всего в темпераменте, в том, как члены группы воспринимали себя и окружающих. Внушаемые лучше, чем невнушаемые, шли на сотрудничество, были менее критичны и подозрительны. Они не доставляли неудобств медсестрам и считали, что в больнице им предоставляется просто замечательный уход. Но хотя они были более дружелюбны к окружающим, чем невнушаемые пациенты, по поводу самих себя они испытывали больше беспокойства. В состоянии стресса беспокойство выражалось в различных психосоматических симптомах — расстройство желудка, диарея и головная боль. Несмотря на это беспокойство — или как раз из-за него, — большинство пациентов были менее сдержанны в проявлении эмоций, чем невнушаемые, и более говорливы. Также они были более набожны, а на подсознательном уровне больше внимания уделяли своим тазовым органам и абдоминальным внутренностям.

Интересно сравнить эти данные о воспри-

имчивости к плацебо с расчетами, которые проводят исследователи гипноза. Примерно одна пятая населения, утверждают они, очень легко поддается гипнозу. Еще одна пятая гипнозу не поддается в принципе или поддается только в том случае, если психологическую сопротивляемость снижали медицинскими препаратами или утомлением. Оставшиеся три пятых поддаются гипнозу немного хуже, чем первая группа, но значительно лучше, чем вторая. Один производитель гипнопедических пленок рассказал мне, что примерно двадцать процентов его покупателей полны энтузиазма и сообщают о поразительных результатах, достигнутых за короткий срок. На противоположном конце шкалы внушаемости находится меньшинство — восемь процентов людей, которые регулярно требуют вернуть им деньги. Между этими двумя крайностями есть люди, не получающие быстрых результатов, но достаточно внушаемые, чтобы эти результаты появились после долгосрочного курса. Если они упорно продолжают слушать соответствующие гипнопедические указания, то в конце концов получают желаемое — уверенность в себе или социальную гармонию, стройную фигуру или богатство.

На пути у свободы и демократических идеалов стоит внушаемость людей. Одну пятую всех избирателей можно загипнотизировать едва ли не простым подмигиванием, одну седьмую — избавить от боли инъекциями воды, четверть населения нашей планеты быстро и охотно воспринимает гипнопедию. И ко всем этим послушным меньшинствам добавляется тяжелое на подъем большинство, чью умеренную внушаемость может эффективно использовать любой человек, знающий свое дело и готовый потратить время и усилия.

Может ли личная свобода сочетаться с высоким уровнем личной внушаемости? Могут ли демократические институты устоять против подрывной деятельности, которую ведут искусные манипуляторы разумом, обученные науке и искусству использовать внушаемость отдельных индивидов и толпы? В какой мере образование может нейтрализовать врожденную внушаемость человека, если она слишком высока для его собственного блага или для блага демократического общества? Насколько закон может помешать церкви и политикам, влиятельным и не очень, пользоваться повышенной внушаемостыо граждан? Прямо или косвенно, я уже

касался первых двух вопросов в первых главах. Далее я поразмышляю о вопросах профилактики и лечения.

XI. Обучение свободе

Для обучения свободе необходимо установить факты и сформулировать ценности, а затем разработать подходящие методики для того, чтобы претворять ценности в жизнь и давать отпор тем, кто по какой-либо причине решает пренебречь этими фактами или отрицает эти ценности.

В одной из предыдущих глав я рассуждал о социальной этике в том ключе, что с ее помощью оправдываются и выставляются в выгодном свете пагубные последствия заорганизованности и перенаселенности. Совместима ли подобная система ценностей с тем, что мы знаем о человеческой психике и темпераменте? Социальная этика строится на предположении, что воспитание играет важную роль в определении человеческого поведения, а природа — лишь психофизическое оснащение, с которым рождается человек, это незначительный фактор. Правда ли, что человеческие существа не более чем продукты социальной среды? А если это не так, то какое может быть оправдание тому, чтобы упорно считать, что отдельная личность менее важна, чем группа, к которой человек принадлежит?

Все имеющиеся у нас данные указывают на то, что в личной и общественной жизни наследственность играет не меньшую роль, чем культура. Каждый индивид биологически уникален и отличается от остальных. А потому свобода — великое благо, толерантность — важнейшая добродетель, а введение полного единообразия — большое несчастье. По ряду практических и теоретических причин диктаторы, организации и некоторые ученые страстно желают свести обескураживающее разнообразие человеческих форм к какому-нибудь подобию управляемого единообразия.

На пике первой волны бихевиористских исследований Дж. Б. Уотсон заявил, что не нашел «никаких подтверждений тому, что существуют наследуемые поведенческие образцы или особые способности (склонность к музыке, искусству и т.д.), которые должны передаваться в семье от поколения к поколению». Сегодня же мы обнаруживаем, что выдающийся психолог, профессор Б.Ф. Скиннер, преподающий в Гарварде, настаивает, что, «по мере того как научная картина становится все более всеобъемлющей, вклад отдельных индивидов в нее стремится к нулю. Столь восхваляемая способность человека

творить, его достижения в искусстве, науке и нравственной сфере, способность выбирать и наше право считать его ответственным за последствия данного выбора не вписывается в новый научно обоснованный автопортрет человека». То есть шекспировские пьесы были написаны не Шекспиром и даже не Бэконом или графом Оксфордским — они были написаны елизаветинской Англией.

Более шестидесяти лет назад Уильям Джеймс написал эссе «Великий человек и его окружение». Он вознамерился защитить выдающихся индивидов от нападок Герберта Спенсера. Спенсер провозгласил, что наука (эта чудесная, очень удобная персонификация мнений, которых на данный момент придерживаются профессора X, Y и Z) свела на нет понятие великого человека. «Великий человек, — писал Спенсер, — должен вместе со всеми феноменами общества, породившего его, расцениваться как продукт прошлой жизни этого общества». Великий человек может быть или казаться «непосредственным инициатором изменений. Но если и существует объяснение этим переменам, его нужно искать в совокупности условий, из которых произошли и эти перемены, и сам человек». Это одно из тех

изречений, которые кажутся очень глубокими, но на самом деле лишены фактического смысла. Спенсер утверждал, что мы должны знать все, прежде чем сумели полностью понять хоть что-нибудь. Несомненно, так оно и есть. Но мы никогда не будем знать всего. А потому нужно довольствоваться частичным пониманием и непосредственными причинами, включая и роль великих людей.

«Если в чем мы и можем быть полностью уверены, — писал Уильям Джеймс, — так это в том, что общество великого человека, справедливо так названное, сформирует его не раньше, чем он его переделает. Его порождают физиологические факторы, к которым социальные, политические, географические и в значительной мере антропологические условия имеют ровно столько же отношения, сколько кратер Везувия к мерцанию газовой лампы, при свете которой я пишу эти строки». Возможно ли, что мистер Спенсер считает, будто социологические обстоятельства, сойдясь воедино, так рьяно набросились на Стратфорд-на-Эйвоне в апреле 1564 года, что некий У. Шекспир, со всеми особенностями его мышления, просто обязан был там родиться? И хочет ли он сказать, что, если бы вышеупомянутый У.

Шекспир умер до младенчестве от холеры, другой матери в Стратфорде-на-Эйвоне пришлось бы породить его точную копию для восстановления социального равновесия?

Профессор Скиннер занимается экспериментальной психологией, и его научный труд «Наука и человеческое поведение» имеет под собой прочную фактическую основу. Но к сожалению, факты, на которые он опирается, принадлежат к столь ограниченной сфере, что, как только он решается на обобщение, его выводы оказываются оторванными от реальности как рассуждения теоретика Викторианской эпохи. И это неизбежно, ибо профессор Скиннер почти так же равнодушен к тому, что Джеймс называет «физиологическими факторами», как Герберт Спенсер. Менее чем за страницу он отметает все генетические факторы, обусловливающие человеческое поведение. В его книге нет никаких отсылок к открытиям в области системной медицины, ни намека на психологию, в рамках которой возможно написать полную и реалистичную биографию индивида с точки зрения определяющих факторов его жизни. К ним относятся его организм, темперамент, интеллектуальные устремления, непосредственное окружение в каждый конкретный момент, время,

место и культура, в которых он существует.

Изучать человеческое поведение — все равно что изучать движение как таковое: данная область науки необходима, но сама по себе совершенно не соотносится с фактами. Возьмем, к примеру, стрекозу, ракету и волны прибоя. Все три явления иллюстрируют некие фундаментальные законы движения, но иллюстрируют по-разному, и различия здесь не менее важны, чем сходства. Само по себе изучение движения не сообщит нам почти ничего об объекте движения в каждый определенный момент. Так же и изучение поведения не может объяснить нам почти ничего об отдельном психофизическом индивиде, который претворяет это поведение в жизнь. Но для нас, психофизических индивидов, знание психики и физиологии других индивидов имеет первостепенное значение. Более того, из наблюдений и собственного опыта мы знаем, что различия между индивидами велики и некоторые индивиды могут оказывать — и оказывают — существенное влияние на свое социальное окружение.

По последнему пункту Бертран Рассел полностью согласен с Уильямом Джеймсом и практически со всеми, кроме сторонников спенсеровской

или бихевиористской псевдонауки. Рассел считает, что у исторических перемен есть причины трех типов: изменения в экономике, политика и влиятельные индивиды. «Я не верю, — заявляет Рассел, — что каким-либо из этих источников можно пренебречь или списать его наличие на другие причины». Таким образом, если бы Бисмарк и Ленин умерли во младенчестве, наш мир сильно отличался бы от того, какой он сейчас. «История еще не стала точной наукой, ей лишь придают наукообразие при помощи опущения и искажения фактов».

В реальной жизни, той, которую мы проживаем день ото дня, нельзя рассуждениями свести на нет значимость индивида. Это только в теории вклад каждого отдельного человека стремится к нулю, на практике они имеют первостепенную важность. Когда выполняется какая-то работа, кто именно ее делает? Чьи глаза и уши воспринимают информацию, чья кора головного мозга осмысливает ее, кто испытывает чувства, которые побуждают к действиям, волю, преодолевающую препятствия? Уж конечно, не социальная среда, поскольку группа не организм, а всего лишь слепая бессознательная организация. Все, что происходит в обществе, происходит благода-

ря индивидам. Они, разумеется, ощущают на себе глубокое влияние местной культуры, запретов и нравственных норм, информации и дезинформации, которую они получают из прошлого и сохраняют в форме устных преданий или литературы. Но что бы индивид ни получал от общества (или от других индивидов, собранных в группы, или из символических записей, составленных другими индивидами, уже покойными или ныне здравствующими), он использует полученное сам, своим уникальным способом, исходя из его неповторимых чувств, биохимической конституции, психики и темперамента. Никакие научные исследования, сколь бы многочисленными и всеобъемлющими они ни выглядели, не могут доказать незначительность этих очевидных фактов. И не будем забывать, что нарисованный профессором Скиннером научный образ человека как продукта социальной среды не единственный научный портрет человека.

Существуют иные, более реалистичные описания. Возьмем, к примеру, образ, созданный профессором Роджером Уильямсом. Он описывает не какое-то абстрактное поведение, но людей, практикующих его. Они являются отчасти продуктом окружения, в котором сосуществуют с

другими людьми, а отчасти — их собственной наследственности. В своих трудах «Фронтир человечества» и «Свободные, но неравные» профессор Уильямс, опираясь на обширную и подробную доказательную базу, рассуждает о врожденных различиях между индивидами, для которых доктор Уотсон не нашел оснований и важность которых, по мнению профессора Скиннера, стремится к пулю.

Среди животных биологическое многообразие внутри каждого вида становится более очевидным по мере продвижения по эволюционной шкале. Биологическое многообразие ярче всего проявляется у людей, поскольку степень биохимического, структурного и психологического разнообразия у них больше, чем у представителей любого другого вида. Это очевидный факт. Но то, что я назвал волей к порядку, стремление свести удивительное многообразие вещей и событий к понятному единообразию, заставило многих людей игнорировать это. Они свели к минимуму значимость биологической уникальности и сосредоточили внимание на более простых и на данном этапе развития науки понятных факторах окружающей среды, оказывающих влияние на человеческое поведение.

«Вследствие мышления, ставящего во главу угла окружающую среду, и исследований, основанных на нем, — пишет профессор Уильямс, — доктрина, провозглашающая фундаментальное сходство всех человеческих младенцев, была повсеместно принята и проповедуется социопсихологами, социологами, социальными антропологами и многими другими, включая историков, экономистов, педагогов, юристов и публичных лиц. Эта доктрина воплотилась в основной образ мышления для людей, в той или иной мере ответственных за формирование образовательных программ и политического курса государства, и люди, не склонные к самостоятельному критическому мышлению, часто беспрекословно принимают ее на веру».

Этическая система, основанная на реалистичной оценке данных и предшествующего опыта, вероятно, принесет больше пользы, чем вреда. Но многие этические системы строятся на совершенно нереалистичной оценке предшествующего опыта и искаженном восприятии природы вещей. Подобная этика скорее навредит, чем принесет пользу. Поэтому до недавнего времени люди верили, что плохая погода, падеж скота и сексуальная импотенция могли быть вызваны

— и во многих случаях вызывались — злонамеренными действиями колдунов. Поймать и убить колдуна почиталось долгом, предопределенным Всевышним в «Исходе»: «Ворожеи не оставляй в живых»[10]. Этическая система и законодательство, основанные на ошибочном видении природы вещей, на протяжении веков, когда эти системы воспринимались всерьез власть имущими, становились причиной злодеяний. Вплоть до наших дней никакой кошмар не мог сравниться со слежками, линчеваниями и убийствами, которые в системе ошибочных взглядов на колдовство становились логичными и обязательными. Но в двадцатом веке этика коммунизма, основанная на ошибочных экономических теориях, и этика нацизма, основанная на ошибочных взглядах на человеческую расу, стали провоцировать и оправдывать более масштабные зверства.

Едва ли менее неприятные последствия повлечет за собой и повсеместное принятие доктрин социальной этики, основанной на ошибочном предположении, что мы полностью общественный вид, дети рождаются одинаковыми, и каждая личность — продукт обусловливания, проводимо-

---

[10] notes: 10
Исход, 22:18

го внутри социальной среды самой социальной средой. Если бы эта система воззрений соответствовала действительности, люди были бы подлинно общественным видом, их индивидуальные различия являлись бы минимальными, и их можно было бы легко сгладить надлежащим обусловливанием, тогда, очевидно, не возникало бы необходимости в свободе и государство имело бы полное право преследовать стремящихся к ней еретиков.

Для каждого отдельного термита служение термитнику — лучшая свобода. Но человеческие существа не полностью социальны, они обладают лишь умеренным стадным инстинктом. Их сообщества в отличие от улья или муравейника не представляют собой единого организма, это всего лишь организации — иными словами, механизмы, специально разработанные для коллективной жизнедеятельности. Более того, различия между индивидами столь велики, что, несмотря на усиленные попытки культуры сгладить врожденные различия, крайний эндоморф (пользуясь терминологией Уильяма Шелдона) будет всегда проявлять себя как висцеротоник, крайний мезоморф в любой ситуации останется соматотоником, а крайнему эктоморфу, замкну-

тому и чувствительному по своей природе, всегда будут свойственны церебротонические черты.

В придуманном мной Дивном Новом Мире социально приемлемое поведение формировалось и закреплялось при помощи двойного процесса — генетической манипуляции и обусловливания в младенчестве. Младенцев выращивали в бутылях, и высокая степень единообразия конечного продукта обеспечивалась тем, что использовались яйцеклетки, взятые у ограниченного числа матерей. Каждую яйцеклетку заставляли снова и снова делиться, порождая целые партии идентичных близнецов. Это давало возможность производить стандартизованных машинистов для стандартизованных машин. А стандартность машинистов оттачивалась при помощи обусловливания во младенчестве, гипнопедии и химических препаратов, вызывающих эйфорию в качестве замены удовлетворению от осознания собственной свободы и способности творить.

Как я отмечал в предыдущих главах, в нашем мире обширные безличные силы способствуют централизации власти и строгой регламентации общества. Генетическая стандартизация индивидов пока еще невозможна, но правительство и большой бизнес уже овладели — или

овладеют в ближайшем будущем — методиками манипуляции разумом, а также техниками, на которые у меня не хватило воображения. Не имея возможности свести к единообразию эмбрионы, правители перенаселенного и заорганизованного мира завтрашнего дня попытаются привить культурное и социальное единообразие взрослым и их детям. Для достижения этой цели они станут использовать все имеющиеся в распоряжении методики управления умами и без колебаний будут подкреплять их экономическими санкциями и угрозой физического насилия. Если мы хотим избежать подобной тирании, то должны начать учиться и учить наших детей свободе и самоуправлению.

Подобное обучение свободе должно, как я уже говорил, основываться в первую очередь на фактах и ценностях — таких фактах, как существование личностных различий и генетической уникальности, и таких ценностях, как свобода, терпимость и взаимовыручка, которые являются этическими следствиями из них. Но к сожалению, осознания истины и разумных принципов недостаточно. Скучную правду может затмить привлекательная ложь. Умелая игра на человеческих страстях часто оказывается сильнее

самых логичных решений. Эффекты ложной и тлетворной пропаганды нельзя нейтрализовать иначе, чем путем тщательного обучения искусству анализа пропагандистских методик и распознаванию их софистики.

Язык позволил человечеству эволюционировать от звероподобного состояния до цивилизации. Но он же породил устойчивое безумие и дьявольские злодеяния, которые встречаются в человеческом поведении не реже, чем систематическая предусмотрительность и постоянная ангельская благожелательность. Язык позволяет говорящему обращать внимание на предметы, людей и события даже в отсутствие их. Язык придаст ясность нашей памяти и, переводя опыт в символы, превращает мимолетное ощущение желания или отвращения, ненависти или любви в устоявшиеся принципы чувствования и поведения. Незаметно для пас ретикулярная система мозга отбирает из бесчисленного множества стимулов несколько переживаний, которые представляют практическую ценность. Из этих бессознательно отобранных переживаний мы более или менее сознательно отбираем и абстрагируем небольшое количество, обозначаем его словами и затем классифицируем в пределах си-

стемы, одновременно метафизической, научной и этической, сформированной из других слов с более высоким уровнем абстракции. В случаях, когда отбор и абстрагирование определяются системой, состоящей из относительно верных суждений о природе вещей, и когда вербальные определения выбираются с умом, а их символическая природа ясна и понятна, мы склонны к здравому, адекватному поведению. Но под влиянием плохо подобранных слов, прикрепленных без понимания их сугубо символической натуры к переживаниям, которые отбирались и абстрагировались в рамках системы ошибочных идей, мы склонны проявлять нечеловеческую жестокость и систематическую глупость. На нее тупые животные не способны — именно потому, что тупы и не могут говорить.

В своей иррациональной пропаганде враги свободы последовательно извращают языковые ресурсы с целью украдкой или прямым напором заставить своих жертв думать, чувствовать и действовать так, как угодно им. Обучение свободе, а также любви и интеллектуальной деятельности, которые являются одновременно и условиями, и последствиями свободы, должно включать в себя и обучение правильному использованию языка.

В последние столетия философы посвятили много времени анализу символов и значений. Как слова и предложения, которые мы произносим, соотносятся с предметами, людьми и событиями, с которыми мы сталкиваемся ежедневно? Обсуждение данного вопроса увело бы нас слишком далеко от основной темы. Ограничимся тем, что скажем: все материалы, необходимые для качественного обучения правильному использованию языка — обучению на всех уровнях, от детского сада до аспирантуры, — сейчас есть в открытом доступе. Можно было бы немедленно приступить к обучению искусству различать правильное и неправильное использование символов. На самом деле к нему можно было приступить в любой момент за последние тридцать — сорок лет. Тем не менее детей нигде систематически не учат отличать истинные утверждения от ложных или осмысленные от бессмысленных. Почему? Потому что власть даже в демократических странах не хочет, чтобы дети проходили подобное обучение.

В данном контексте примечательна короткая и печальная история Института анализа пропаганды. Он был основан в 1937 году филантропом Филеном из Новой Англии, когда нацистская

пропаганда была на пике эффективности. Под эгидой этого института проводились исследования иррациональной пропаганды и создавались пособия для изучения старшеклассниками и студентами университетов. А затем началась война на всех фронтах — и на физическом, и на психологическом. Когда все правительства коалиции так заботились о «психологическом благополучии», казалось бестактным настаивать на анализе пропаганды. Институт был закрыт в 1941 году, но еще до начала боевых действий его деятельность вызывала у многих неодобрение. Педагоги, например, осуждали преподавание анализа пропаганды на том основании, что это раньше времени сделает подростков циничными. Не в восторге были и военные ведомства, которые боялись, что новобранцы станут анализировать приказы сержанта-инструктора. А еще возмущались религиозные деятели и работники сферы рекламы. Церковники возражали против анализа пропаганды, поскольку он мог ослабить веру и уменьшить число прихожан в церквях, рекламщики считали, что анализ пропаганды подорвет приверженность брендам и снизит продажи.

Эти страхи и возражения имели под собой

основания. Когда простые люди начинают пристально изучать слова своих духовных наставников, последствия могут оказаться серьезными. Существование социального порядка в нынешней его форме держится на том, что люди, не задавая неудобных вопросов, принимают на веру пропаганду, проводимую власть имущими и поддерживаемую местными традициями. И снова наша задача — найти золотую середину. Индивиды должны быть достаточно внушаемы, чтобы иметь возможность и способность поддерживать функционирование своего общества, но не настолько внушаемыми, чтобы пасть беспомощными жертвами трюков профессиональных манипуляторов умами. Точно так же людей нужно учить анализировать пропаганду, чтобы они не шли на поводу у абсолютной чепухи, но не настолько, чтобы категорически отвергали не всегда разумные доводы поборников традиций, действующих из лучших побуждений. Вероятно, золотую середину между излишней доверчивостью и полным скептицизмом нельзя отыскать и сохранить при помощи одного только анализа. Этот весьма негативный подход к проблеме важно дополнять чем-то более позитивным — провозглашением набора общепринятых цен-

ностей, имеющих прочную фактическую базу. Первой из этих ценностей должна быть свобода личности, основанная на том, что человечество разнообразно и каждый уникален с точки зрения генетики. Далее — милосердие и сочувствие, опирающиеся на старый известный факт, недавно подтвержденный современной психиатрией: какими бы ни были психологические и физические различия, любовь так же необходима человеческим существам, как пища и кров. И наконец, разум. Без него любовь бессильна, а свобода недостижима. Этот набор ценностей предоставит нам критерии, и по ним можно судить о пропаганде. Пропаганду, которую можно счесть одновременно бессмысленной и аморальной, нужно сразу отвергнуть. Та пропаганда, которая просто иррациональна, но совместима с любовью и свободой и по сути своей не отрицает интеллектуальную деятельность, может быть принята — временно и с осторожностью.

XII. Что можно сделать?

Нас можно научить быть свободными, и это обучение станет гораздо успешнее того, что проводится сейчас. Но угрозы свободе, как я попытался показать, надвигаются из самых различных направлений, и они могут быть самые разнообразные — демографические, социальные, политические, психологические. К нашему общему недугу приводит взаимодействие многих причин, и излечит его лишь сочетание лекарств. Имея дело с любой многоаспектной человеческой ситуацией, мы должны принимать во внимание все релевантные факторы, а не только какой-то один. Нельзя довольствоваться частичными решениями. Свобода находится под угрозой, ощущается острая необходимость в обучении свободе. Но для ее обеспечения необходимо множество факторов помимо обучения — социальная организованность, контроль рождаемости, адекватное законодательство. Начнем с последнего пункта.

С тех пор как была принята Хартия вольностей, английские законодатели стремились защитить физическую свободу индивидов. Человек,

которого держали в тюрьме на сомнительных основаниях, мог, согласно законодательному акту от 1679 года, подать апелляцию в один из судов высшей инстанции, требуя приказа о доставлении его в суд для выяснения правомерности содержания под стражей. Судья адресовал этот приказ начальнику тюрьмы и сопровождал требованием доставить заключенного в течение определенного времени в суд для рассмотрения его дела. Заметьте, самого заключенного, а не его письменную жалобу и не его законных представителей. Человека, которого заставляли спать на досках, дышать зловонным тюремным воздухом, есть отвратительную тюремную пищу.

Следить за соблюдением основных условий свободы — то есть обеспечивать отсутствие физических ограничений, — несомненно, необходимо, но недостаточно. Человек может не сидеть в тюрьме и при этом быть несвободным — быть свободным от физических ограничений и при этом чувствовать себя психологическим пленником, которого вынуждают думать и действовать так, как того хотят представители государства или какого-то частного лица. В этом случае не появится никаких приказов, поскольку никакой начальник тюрьмы не сумеет обеспечить, чтобы

плененный разум предстал перед судом, и никто из людей, чей разум был захвачен при помощи методов, которые я описал в предыдущих главах, не сможет жаловаться на свое положение. Природа психологического принуждения такова, что тот, кто находится под его влиянием, продолжает считать, будто действует по доброй воле. Человек, ставший жертвой манипуляции, не осознает себя жертвой. Для пего стены его тюрьмы невидимы, и он верит, что свободен. То, что он несвободен, очевидно только окружающим. Его рабство строго объективно.

Нет, повторю, плененный дух не предстанет перед судом. Но может существовать превентивное законодательство — объявление вне закона психологической работорговли, законодательные акты, защищающие разумы от нечистых на руку распространителей отравляющей пропаганды, составленные по образцу актов, защищающих людей от нечистых на руку распространителей некачественной пищи и опасных наркотиков. Например, можно и нужно принять законы, ограничивающее право официальных лиц, гражданских и военных подвергать людей, находящихся у них под командованием или под их опекой, обучению во сне. Необходимо принять законы,

запрещающие использование подсознательного проецирования в общественных местах и на телеэкранах. Должно существовать законодательство, не только не позволяющее политическим кандидатам тратить сумму свыше фиксированного максимума на свои предвыборные кампании, но и предотвращающие использование ими иррациональной пропаганды, которая превращает в бессмыслицу демократический процесс.

Подобное превентивное законодательство может принести пользу, но если безличные силы, угрожающие свободе сейчас, продолжат набирать вес, то в долгосрочной перспективе это не поможет. Самые лучшие конституции и превентивные законы окажутся бессильны против постоянно возрастающего давления перенаселенности и заорганизованности, нагнетаемого приростом населения и развитием технологий. Конституции не будут упразднены, а хорошие законы будут зафиксированы на страницах кодексов, но эти либеральные формы станут служить для прикрытия и приукрашивания глубоко нелиберальных явлений. Учитывая неконтролируемую перенаселенность и заорганизованность, мы можем увидеть в демократических странах процесс, обратный тому, что превратил Англию

в демократическую страну при сохранении всех внешних форм монархии. Под безжалостным напором перенаселенности и заорганизованности при помощи эффективных методов управления разумом демократия в разных странах изменит свою природу. Ее старомодная форма — выборы, парламенты, Верховные суды и все прочие атрибуты — сохранится. А вот содержание будет новым ненасильственным видом тоталитаризма. Традиционные названия, все священные лозунги останутся такими же, как в старые добрые времена. Демократия и свобода будут основным мотивом каждой трансляции и печатного издания, но исключительно в фигуральном смысле. А тем временем правящая олигархия и ее тщательно обученная элита военных, полицейских и манипуляторов умами станет править бал как сочтет нужным.

* * *

Как контролировать обширные безличные силы, угрожающие нашей с трудом добытой свободе? На словах и в общих понятиях на этот вопрос можно ответить легко. Рассмотрим проблему перенаселенности. Стремительно возрастающая численность человечества оказывает

все большее давление на природные ресурсы. Что же следует делать? Разумеется, мы должны как можно быстрее снизить уровень рождаемости, чтобы он не превосходил уровень смертности. В то же время нужно увеличить производство продуктов питания, разработать и воплотить в жизнь всемирную программу по защите земли и лесов, отыскать действенные заменители ныне существующим видам топлива, желательно менее опасные и более долговечные, чем уран. И, экономно расходуя истощающиеся ресурсы из доступных материалов, мы должны разработать новые и незатратные способы извлечения минералов из более бедных руд, самая бедная из которых — морская вода. Но все это, разумеется, легче сказать, чем сделать.

Ежегодный прирост населения необходимо снизить. Но как? У нас есть выбор — голод, болезни и война, с одной стороны, контроль над рождаемостью — с другой. Большинство выбирает контроль над рождаемостью — и тут же мы сталкиваемся с проблемой одновременно из области физиологии, фармакологии, социологии, психологии и даже теологии. Противозачаточные таблетки пока не изобретены. Если их изобретут, то как распространить таблетки среди сотен

миллионов потенциальных матерей, которые должны принимать их? И, учитывая существующие социальные обычаи и влияние культурной и психологической инертности, как можно заставить тех, кто должен, но не хочет принимать контрацептивы, изменить свое мнение? А что делать с возражениями Римско-католической церкви против любых форм контрацепции за исключением так называемого календарного метода, который оказался неэффективным для снижения уровня рождаемости в промышленно отсталых странах, где это снижение особенно необходимо? И все эти вопросы, которые можно задать о будущих, гипотетических противозачаточных таблетках, следует задать и о ныне существующих химических и механических средствах контрацепции, причем вероятность получить на них удовлетворительный ответ невысока.

Когда мы переходим от вопросов о контроле над рождаемостью к проблемам, связанным с необходимостью увеличить доступные пищевые запасы и сберечь наши природные ресурсы, то сталкиваемся с трудностями, вероятно, не столь масштабными, но все равно огромными. Прежде всего существует проблема образования. Как

скоро получится научить крестьян и фермеров, которые отвечают за производство продуктов, модернизировать методы производства? А если их обучить, то когда и как они найдут капитал, чтобы обеспечить себя машинами, топливом, смазочными материалами, электрической силой, удобрениями и улучшенными сортами растений и породами домашних животных, без которых даже сельскохозяйственное образование бесполезно? Также можно спросить, кто станет учить человечество теории и практике экономии природных ресурсов? И как заставить голодных крестьян — граждан страны, чье население возрастает с каждым днем, — не разорять свои земли? И кто будет платить за то, чтобы постепенно вернуть израненной, иссушенной земле здоровье и плодородие? А подумайте об отсталых сообществах, которые пытаются встать на путь индустриализации. Если это удастся, кто помешает им, отчаянно стремящимся догнать развитые страны, растрачивать невосполнимые ресурсы нашей планеты, как это делали и делают те, кого они пытаются догнать? А когда настанет час расплаты, где жители бедных стран найдут научных работников и огромные капиталы, чтобы извлекать минералы из бедных руд, разработка

которых сейчас технически невозможна или экономически неоправданна? Наверное, на все эти вопросы будут даны ответы. Но как скоро? В любой гонке, где соревнуются человеческая раса и истощение природных ресурсов, время играет против нас. Если мы очень постараемся, к концу нынешнего века на мировых рынках может оказаться вдвое больше продуктов, чем сейчас. Но и людей станет вдвое больше, а несколько миллиардов будут жить в частично индустриализованных странах и потреблять в десять раз больше воды, древесины и минералов, чем сейчас. В общем, ситуация с продуктами будет не лучше, а с сырьем — намного хуже.

Решить проблемы заорганизованности едва ли легче, чем проблему увеличения численности населения и истощения природных ресурсов. На словах и в общих чертах ответ очень прост. Например, власть следует за собственностью — это политическая аксиома. Однако то, что большой бизнес и правительство монополизируют средства производства, уже стало историческим фактом. Соответственно, если вы верите в демократию, распределите собственность среди как можно большего числа людей.

Или возьмем избирательное право. В принципе

возможность голосовать — огромная привилегия. На практике же, как неоднократно показывала новейшая история, право голоса само по себе не гарантирует свободу. Соответственно, если хотите избежать диктатуры всеобщего голосования, разбейте сугубо функциональные коллективы современного общества на самоуправляемые группы, способные взаимодействовать между собой и функционировать вне бюрократических систем большого бизнеса и правительства.

Перенаселенность и заорганизованность породили современные мегаполисы, в них стало практически невозможно вести полноценную жизнь и устанавливать многочисленные личные контакты. Соответственно, чтобы избежать духовного обнищания людей и целых сообществ, оставьте мегаполисы и возродите жизнь в деревнях или каким-то образом очеловечьте города, создав внутри системы механической организованности городские эквиваленты сельских сообществ. В них люди могут свободно встречаться и взаимодействовать как полноценные личности, а не как исполнители четко обозначенных функций.

Все это очевидно сегодня и, несомненно, было очевидно пятьдесят лет назад. От Хилэри

Беллока до Мортимера Адлера, от первых активистов кооперативных кредитных союзов до земельных реформаторов современной Италии и Японии люди из лучших побуждений отстаивали децентрализацию экономики и широкое распределение собственности. А как много хитроумных схем предлагалось для распределения товаров, для возвращения к мелкой «деревенской индустрии»! А еще сочинялись подробные планы Дюбрея по передаче определенной автономии и инициативы различным подразделениям одной крупной организации. Были синдикалисты и их схемы безгосударственного общества, организованного как федерация производственных групп, объединенных под началом профсоюзов. В Америке Артур Морган и Беккер Браунелл выдвинули теорию нового типа общественного проживания на уровне деревень и маленьких городов, описав ее практическое воплощение.

* * *

Профессор Скиннер из Гарварда осветил данную проблему с психологической точки зрения в книге «Уолден. Часть вторая» — утопическом романе о самообеспечиваемом автономном обществе, научно организованном таким образом,

что ни у кого никогда не возникало антиобщественных искушений и все выполняли то, что должны, без принуждения или нежелательной пропаганды, все были счастливы и настроены на творчество. Во Франции во время Второй мировой войны и после нее Марсель Барбю и его последователи создали несколько самоуправляемых безыерархичных производственных сообществ, обеспечивающих взаимовыручку и полноценную жизнь. А в Лондоне Пекхэмский эксперимент показал, что, скоординировав деятельность служб здравоохранения с немедицинскими интересами людей, можно создать подлинное сообщество даже в мегаполисе.

Мы видим, что такой общественный недуг, как заорганизованность, четко осознавался, от него выписывались различные снадобья широкого действия, предпринимались попытки экспериментального симптоматического лечения, и часто они имели успех. Несмотря на все эти нравоучения и достойную подражания практику, недуг разрастается. Мы знаем, что небезопасно позволять правящей олигархии сосредоточивать всю власть в своих руках, однако власть передается все меньшей группе людей. Для большинства людей современные крупные города анонимны,

анемичны, не обеспечивают полноценного человеческого существования — и все же крупные города разрастаются и общая схема жизни в индустриальном городе остается неизменной. В большом и сложно организованном сообществе демократия практически бессмысленна, если не практиковать ее в автономных группах приемлемого размера, но все больше и больше вопросов в каждой стране решается бюрократами из правительства и бизнеса. Очевидно, что на практике проблему заорганизованности решить не намного проще, чем проблему перенаселенности. В обоих случаях мы знали, что нужно делать, но ни в одном из них не сумели успешно применить эти знания на практике.

Перед нами встает тревожный вопрос: а действительно ли мы хотим применить свои знания на практике? Верит ли большинство населения, что ему следует потратить время и значительные усилия на то, чтобы остановить, а может, и обратить вспять наше нынешнее движение к миру тотального контроля? В Соединенных Штатах — а Америка представляет собой пророческий образ всего урбанизированного индустриального мира, каким он станет через несколько лет, — недавние опросы общественного мнения показали, что

большинство молодых людей до двадцати лет, то есть избиратели завтрашнего дня, не верят в демократические институты, не отрицают цензуру, сомневаются, что народное управление возможно, и не возражают против того, чтобы жить так, как диктует современная жизнь на экономическом подъеме, — под олигархическим управлением. То, что так много сытых юных телезрителей, живущих в стране с самой мощной в мире демократией, полностью равнодушны к идее самоуправления и абсолютно не заинтересованы в свободе мысли и праве иметь мнение, отличное от других, огорчает, но не удивляет.

«Волен как птица», — говорим мы, завидуя крылатым существам, которые могут свободно перемещаться. Но, увы, забываем о дронтах. Любая птица, которая научилась обеспечивать себе жизнь, не прибегая к использованию крыльев, скоро откажется от полета и навсегда останется на земле. Отчасти эта аналогия верна и для людей. Если хлеб предоставляют регулярно и в изобилии три раза в день, многим людям вполне хватит одного только хлеба или, на худой конец, хлеба и зрелищ. «Кончится тем, — говорит Великий Инквизитор в «Братьях Карамазовых» Достоевского, — что они принесут свою свободу к

ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». И когда Алеша Карамазов спрашивает брата, который рассказывает эту историю, не иронизирует ли Великий Инквизитор, Иван отвечает: «Нимало. Он именно ставит в заслугу себе и своим, что наконец-то они побороли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми». Да, сделать людей счастливыми, «ибо ничего и никогда, — настаивает Инквизитор, — не было для человека и человеческого общества невыносимее свободы». Ничто, кроме отсутствия свободы, ведь когда пищи станет меньше, оставшиеся на земле додо снова потребуют свои крылья — только чтобы вновь отказаться от них, когда наступят лучшие времена и фермеры, ухаживающие за ними, станут мягче и щедрее.

Из молодежи, которая сейчас дурно отзывается о демократии, могут вырасти борцы за свободу. «Дайте мне телевизор и гамбургеры, но не беспокойте меня свободой и ответственностью» может в определенных обстоятельствах смениться призывом «Дайте мне волю иль дайте мне смерть». Если подобное случится, отчасти это произойдет из-за сил, почти неподвластных даже самым могущественным правителям, а также из-за

некомпетентности самих правителей, их неспособности эффективно использовать средства управления умами, которыми наука снабжает и будет продолжать снабжать будущих тиранов. Принимая во внимание, как мало они знали и как беден был их арсенал, Великие Инквизиторы прошлого справлялись удивительно хорошо. Но их преемники, прекрасно осведомленные, во всем опирающиеся на науку диктаторы будущего, несомненно, справятся намного лучше.

Великий Инквизитор упрекает Христа за то, что тот повелел людям быть свободными, и говорит ему: «Мы исправили подвиг Твой и основали его на чуде, тайне и авторитете». Но чуда, тайны и авторитета недостаточно для обеспечения вечной диктатуры. В моем Дивном Новом Мире диктаторы добавили в этот список науку и таким образом сумели укрепить свою власть, проводя манипуляции над эмбрионами, рефлексами младенцев и умами детей и взрослых. И вместо того чтобы говорить о чудесах и символически намекать на тайны, они смогли при помощи наркотиков позволить своим подданным испытать эти тайны и чудеса на себе — преобразовать их веру в экстатическое знание.

Диктаторы прошлого пали, потому что им

никогда не удавалось дать своему народу достаточно хлеба, зрелищ, тайн и чудес. Не было у них и по-настоящему действенной системы управления умами. В прошлом свободомыслящие люди и революционеры являлись заложниками чрезвычайно набожного ортодоксального образования. Неудивительно. Методы, применяемые ортодоксальными педагогами, были крайне неэффективными. А вот при научно подкованном диктаторе обучение станет эффективным, и в результате множество людей научатся любить свое рабское положение и даже мечтать не станут о переменах. Кажется, невозможно найти причину, по которой изощренная, научно обусловленная диктатура могла бы быть свергнута.

А пока в мире остается свобода. Очень часто молодежь не ценит ее — это правда. Но некоторые верят, что без свободы нельзя стать настоящим человеком, и потому она чрезвычайно важна. Вероятно, мы не сумеем долго сдерживать факторы, угрожающие свободе. И все же наш долг — делать все, чтобы не допустить этого.